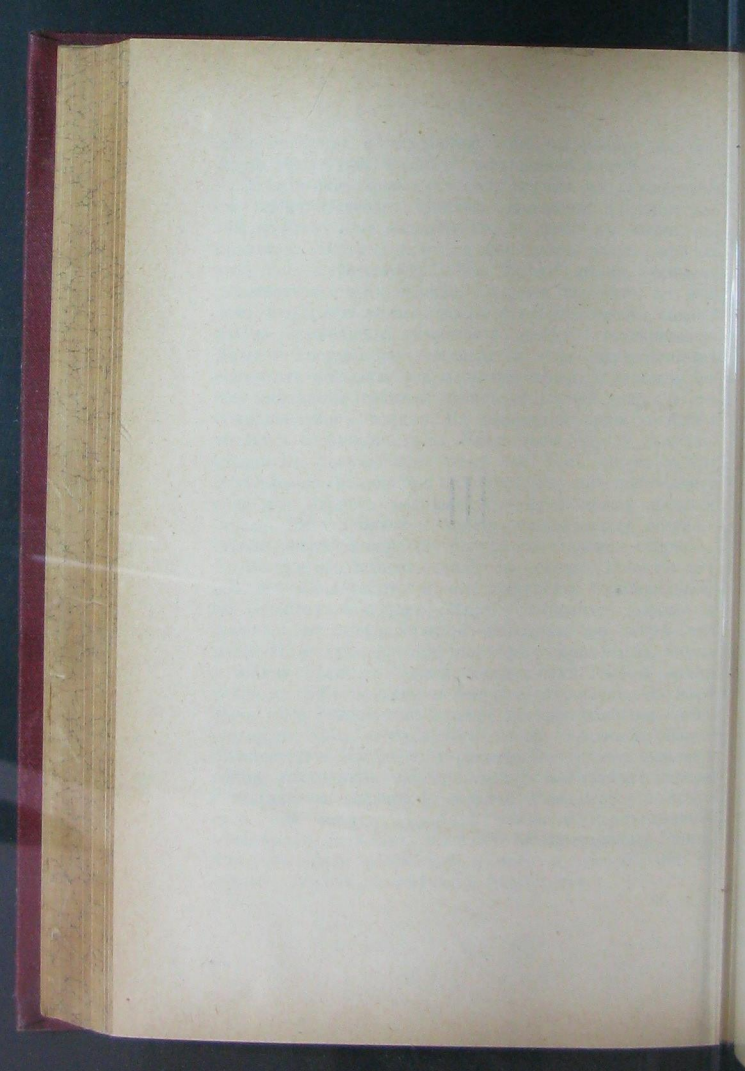

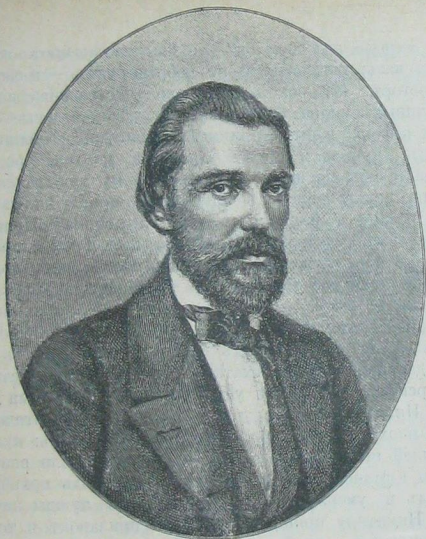
III

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

UNIVERSITY OF CHICAGO

И. С. НИКИТИНЪ.

Иванъ Саввичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ въ 1824 г., въ зажиточной мѣщанской семьѣ. Отецъ его, Савва Евѣичъ, имѣлъ заводъ восковыхъ свѣчей и нѣсколько свѣчныхъ лавокъ. Въ Воронежѣ всѣ уважали старика Никитина и какъ дѣльнаго торговца, и какъ умнаго человѣка: онъ много читалъ, былъ большой знатокъ церковныхъ книгъ, любилъ потолковать со знающими людьми. Права онъ былъ строгаго и семью свою держалъ въ повиновеніи. Жена его была женщина тихая, кроткая, безотвѣтная; она горячо любила своего единственнаго сына Ивана, ухаживала за нимъ и баловала его потихоньку отъ отца. Дѣтство Ивана Саввича

было мирное, веселое; домъ — полная чаша; кроткая, любящая мать; хоть строгій, но добрый отецъ, — и свобода и просторъ. Изъ оконъ уютнаго, чистенькаго домика Никитиныхъ видна была широкая рѣка, зеленые сады, вдали высокія горы, старинный монастырь съ башнями, золотые купола церквей. Красивая картина родного города нравилась мальчику: онъ подолгу любовался ею, подолгу всматривался въ синее небо, прислушивался къ шуму рѣки — и научился любить и понимать природу.

Первымъ учителемъ Никитина былъ сапожникъ; у него научился Никитинъ грамотѣ; восьми лѣтъ его отдали въ духовное училище. Въ училищѣ Никитинъ пробылъ до 17 лѣтъ; оттуда онъ перешелъ въ духовную семинарію; учился онъ здѣсь хорошо, читалъ много и уже въ это время началъ писать стихи. Думалъ онъ итти дальше, хотѣлъ ѣхать въ столицу, поступить въ университетъ; но судьба устроила иначе. Торговля дѣла отца Никитина начали разстраиваться, обстоятельства стали плохи: заводъ продали, продали и домъ; купили маленькій постоялый дворикъ, но и тотъ отдали внаймы, а сами ютились въ старомъ флигелькѣ. Мать похворала съ годъ и умерла, отецъ отъ горя и нужды началъ пить. Никитину пришлось сѣсть за прилавокъ и торговать свѣчами, чтобъ чѣмъ-нибудь прокормиться. Съ этихъ поръ жизнь для молодого Никитина дѣлается мачихой: отецъ пьетъ, спускаетъ послѣднюю одежду, бранить, а иногда подъ пьяную руку и бьетъ сына. Скоро пришлось продать и лавку; отъ прежняго довольства остался одинъ пустой уголъ; прежніе знакомые отвернулись. Чтобы не умереть съ голода, Никитину пришлось самому взяться за постоялый дворъ. Прежній щеголь, любимецъ и баловень матери, лучший ученикъ семинаріи, умный, образованный Никитинъ обстригъ въ скобку свои красивые, черные волосы, нарядился въ нагольный тулупъ и принялся за черную работу. Пришлось все дѣлать самому: онъ впускалъ на ночлегъ извозчиковъ, выдавалъ имъ овесъ и сѣно, бѣгалъ для нихъ за водкой, стряпалъ на нихъ, прислуживалъ имъ. Не разъ приходилось ему разнимать подравшихся извоз-

чиковъ, унимать ссоры. Тяжело было молодому Никитину: всегда одинъ, не съ кѣмъ перемолвить слова по душѣ, кругомъ нужда, грязь, горе.

А въ головѣ бродятъ думы объ иной жизни; въ душѣ складываются пѣсни, и тянетъ дальше отсюда, на просторъ, на волю, хочется счастья. Въ свободныя минуты и ночью, когда всѣ дѣла передѣланы и всѣ въ домѣ спали, Никитинъ усаживался за свои книги, учился, читалъ, писалъ стихи, — и на душѣ у него становилось свѣтлѣе, спокойнѣе. А на утро — опять шумъ, крики, опять ни минуты покоя. Печальная молодость выпала на долю Никитина:

„Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ — точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!“

Почти десять лѣтъ маялся такъ Никитинъ, кое-какъ перебивался, работалъ безъ усталости. Трудовая жизнь помогла ему поправить свои дѣла. Онъ выстроилъ маленький домикъ, сталъ отдавать внаемъ нѣсколько комнатъ и самъ помѣстился въ немъ. Въ это время познакомился онъ съ нѣкоторыми умными и образованными людьми въ Воронежѣ и по ихъ совѣту напечаталъ свои стихи. Стихи всѣмъ понравились; о Никитинѣ заговорили. Жизнь сдѣлалась отраднѣе. Новые друзья совѣтовали ему бросить Воронежъ и ѣхать въ столицу. Но Никитинъ никуда не поѣхалъ, пожалѣлъ бросить старика отца. Хотя жили они и не очень мирно, хоть часто доставалось Никитину отъ старика, но онъ не хотѣлъ оставить его на чужихъ. „Нѣтъ, — говорилъ онъ друзьямъ, — не могу оставить его: онъ безъ меня пропадетъ“.

Между тѣмъ Никитинъ сталъ получать деньги за свои стихи; жизнь его устроилась полегче: онъ нанялъ приказчика, кухарку, ему уже не надо было самому странать и прислуживать; свободного времени стало больше, и Никитинъ началъ учиться, покупалъ книги. Приходили къ нему знакомые, друзья, вмѣстѣ читали,

говорили. Всѣмъ было тепло и уютно въ его маленькой бѣдно-убранной комнаткѣ. Всѣхъ привлекалъ къ себѣ хозяинъ этой комнатки, умный, талантливый Никитинъ. Ему было въ это время около 30-ти лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, широкоплечій, статный; на блѣдномъ, худощавомъ лицѣ, какъ звѣзды, горѣли большіе черные, глубокіе глаза, серьезные и умные; по этимъ глазамъ видно было, что многое пережилъ, многое передумалъ этотъ человѣкъ, что мало радости видалъ онъ на своемъ вѣку. И вотъ пришло новое горе: Иванъ Саввичъ началъ часто хворать; болѣзнь иногда надолго укладывала его въ постель.

Такъ какъ Никитинъ жилъ расчетливо, на себя тратилъ мало, то скоро у него накопилось денегъ тысячи двѣ. Ему хотѣлось употребить ихъ на хорошее, полезное дѣло, и онъ придумалъ завести книжный магазинъ. Въ Воронежѣ хорошей книжной лавки не было, а нужда въ ней чувствовалась большая. Никитинъ понималъ, какая важная вещь хорошая, дѣльная книга; онъ понималъ это потому, что самъ изъ книгъ научился многому хорошему, узналъ многое такое, что прежде не приходило ему въ голову. Немало хлопотъ было Никитину за этимъ дѣломъ: пришлось признать денегъ; надо было составлять списокъ книгъ, найти помѣщеніе для магазина, выписывать книги изъ столицы. Никитинъ даже заболѣлъ отъ безпокойства и хлопотъ, но, наконецъ, все устроилъ,—магазинъ открылся. Нельзя и описать радости Никитина. Онъ радовался, что своимъ магазиномъ онъ можетъ принести пользу; радовался, что у него нашлось хорошее, честное дѣло. Свой магазинъ онъ завелъ не для барыша: онъ все клалъ на него; самъ ходилъ въ старомъ платьѣ, а выписывалъ самыя лучшія книги. Когда кто-нибудь, бывало, говорилъ ему, что онъ ужъ слишкомъ забываетъ о себѣ, онъ отвѣчалъ добродушно: „Жаль тратить деньги на глупости, пусть лучше идутъ на магазинъ“. Книги онъ не только продавалъ, но давалъ ихъ читать даромъ многимъ бѣднымъ людямъ. Да и самый магазинъ его былъ не какъ всѣ. Сюда заходили не только, чтобы купить книгу, но и поговорить

о книгахъ, поучиться. Здѣсь нерѣдко раздавались горячія рѣчи Никитина, читались стихи, читалась вмѣстѣ новая книга; здѣсь узнавалось, что дѣлается на свѣтѣ. Никитинъ былъ не просто купецъ книжной лавки, а умный, образованный человѣкъ, котораго пріятно было послушать, съ которымъ отрадно было поговорить.

Но недолго пришлось Никитину пожить послѣ того, какъ открылся его магазинъ. Черезъ годъ онъ опять расхворался: почти ничего не ѣлъ, едва двигался, ничего не могъ дѣлать; онъ понималъ, что смерть близка. По временамъ ему становилось лучше; онъ опять пріободрялся, опять принимался за дѣло. Незадолго до послѣдней болѣзни онъ совсѣмъ было поправился: сталъ читать, сталъ писать стихи. Все, что только затѣвалось хорошаго, дѣльнаго, всему онъ радовался, всему хотѣлъ помочь.

Въ это время въ Россіи совершилось великое дѣло — отмѣнено было крѣпостное право, народъ сталъ свободнымъ. Никитинъ давно ждалъ и мечталъ объ этомъ и былъ счастливъ, что это случилось. Въ это время онъ былъ уже очень боленъ, почти умиралъ, но въ его сердцѣ было такъ много любви къ людямъ, что онъ забывалъ о себѣ. Онъ чувствовалъ, что не увидитъ новой жизни народа, но вѣрилъ, что эта жизнь будетъ счастливѣе, лучше, что впереди будетъ свѣтлѣе, — и онъ пишетъ: „У меня дыханіе захватываетъ отъ радости, когда я подумаю объ этомъ!“ Въ городѣ устроилась школа для народа, стали собирать деньги, чтобы посылать книги въ народныя школы, — Никитинъ идетъ помогать хорошему дѣлу. Въ это время онъ полюбилъ одну хорошую, умную дѣвушку; полюбила и она его: теплое чувство согрѣло душу поэта; свѣтлый лучъ проглянулъ и въ его одинокую жизнь, но счастье не выпало на его долю. Никитинъ захворалъ и слегъ. У него была чахотка, вылѣчить его было невозможно, и онъ таялъ, какъ свѣча. Онъ уже не вставалъ съ постели, давно не заглядывалъ въ свой любимый магазинъ; не могъ ни читать, ни писать стиховъ. Смерть была близко... А какъ ему не хотѣлось умирать! Какъ горько плакалъ

онъ, когда оставался одинъ въ своей комнатѣ! Жизнь его была тяжелая, трудовая, одинокая; только что все начало хорошо устроиваться, кончилась нужда, мелькнула надежда на счастье — и вотъ, всему конецъ... Незадолго до смерти Никитинъ написалъ стихи, точно будто чувствуя, что недолго остается ему жить. Вотъ эти грустные стихи:

„Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится.
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она слышится пѣснь беззаботная,
Гостя погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ —
Больше не нужно ни пѣсень, ни слезъ!“

Никитинъ умеръ 16 октября 1861 года, 35-ти лѣтъ. Похороны его были торжественныя: Никитина зналъ весь городъ; каждый хотѣлъ поклониться его тѣлу. Гробъ несли на рукахъ до самаго кладбища; на гробѣ были цвѣты, вѣнки. Въ ясное, теплое осеннее утро гробъ Никитина былъ опущенъ въ землю, рядомъ съ могилой Кольцова, умершаго 13 годами раньше.

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ Съ тайной завистью дѣв-
Теплый вѣтерокъ; чонка
Лугъ, какъ бархатъ, зеле- Смотрить изъ кустовъ.
нѣетъ, „Тянуть, тянуть!“ за-
Въ заревѣ востокъ. кричали
Окаймленное кустами Ребятишки вдругъ.
Молодыхъ ракиль, „Вдоволь, чай, теперь пой-
Разноцвѣтными огнями мали
Озеро блеститъ. И линей, и щукъ“.
Тишинѣ и солнцу радо, Вотъ, на берегѣ отлогомъ,
По равнинѣ водъ Показалась сѣть.
Лебедей ручное стадо „Ну, вытряхивай - ка, съ
Медленно плыветъ. Богомъ, —
Вотъ одинъ взмахнулъ Нечего глядѣть!“
лѣниво Такъ сказалъ старикъ
Крыльями—и вдругъ высокій,
Влага брызнула игриво Весь, какъ лунь, сѣдой,
Жемчугомъ вокругъ. Съ грудью выпукло-широ-
Привязавъ къ ракиламъ кой,
лодку, Съ длинной бородой.
Мужички вдвоемъ, Сѣть намокшую подняли
Близъ осоки, втихомолку, Дружно рыбаки;
Тянуть сѣть съ трудомъ. На песокъ затрепетали
По травѣ, въ рубашкахъ Окунь, линьки.
бѣлыхъ, Дѣти весело шумѣли:
Скачутъ босикомъ „Будетъ на денекъ!“
Два мальчишка загорѣлыхъ И на короточки присѣли
На прутахъ верхомъ. Рыбу класть въ мѣшокъ.
Крупный потъ съ нихъ „Ты, подкидышъ, къ намъ-
градомъ льется, откуда?
И лицо горитъ; Не зови — придетъ...
Звучно смѣхъ ихъ раздается, Убирайся-ка отсюда!
Голосокъ звенить. Не пойдешь, — такъ вотъ!..“
„Ну, катай на перегонки!“ И подкидыша мальчишка
А на шалуновъ Оттолкнулъ рукой.

„Ну, за что ее ты, Мишка?“ — „Потерпи,— чай, не за-
Упрекнулъ другой. будетъ
„Экій малый уродился“, За добро Господь!
Говорить старикъ, Въдь, она работать будетъ,
„Все-бъ дрался онъ, да Богъ дастъ, подрастетъ“.
бранился, — „Такъ-то такъ... вѣсти-
Экій озорникъ!“ мо, надо
— „Ты бы внука-то ма- Къ дѣлу приучить;
ленько Да теперь беретъ досада
За вихоръ подралъ: Безъ толку кормить.
Онъ взять воло-то ра- „И дѣвчонка-то больная,
ненько!“ Сохнетъ, какъ трава,
Свату свать сказаль. Да все плачетъ... дрянъ та-
— „Эхъ!.. дѣвчонка надо- кая!
ѣла... А на грѣхъ жива!“
Самъ я, знаешь, голь, Мужички потолковали
Тутъ подкидыща, безъ дѣла, И въ село пошли;
Одѣвать изволь. Велѣдъ мальчишки побѣ-
„Хлѣбъ, смотри, вотъ жали,
вздорожасть,— Рыбу понесли;
Ты чужихъ корми; А дѣвчонка провожала
А, въдь, мать, небось, гу- Грустнымъ взглядомъ ихъ,
ляеть, И слеза у ней дрожала
Прахъ ее возьми!“ Въ глазкахъ голубыхъ.

Никитинъ.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуеть.
На камнѣ мужикъ одиноко горюеть;
У ногъ его кучами пепель лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчить.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой,
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой.
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу;

Онъ клалъ ее дома съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли;
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ, видно, не жить мужику безъ труда.

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и въ поле другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просилъ безотвѣтный не счастья у неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
Подкралась бѣда — все метлой подмела;
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели;
За нимъ по слѣдамъ потолоки загремѣли...
„Пускай догораютъ!“ И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

Никитинъ.

У т р о.

Звѣзды меркнуть и гаснуть. Въ огнѣ облака.

Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь, безлюдье вокругъ.

Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кусть задѣнешь плечомъ — на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянуль вѣтерокъ, воду морщить — рябить.

Пронеслись утки съ шумомъ и скрылись.
Далеко-далеко колокольчикъ звенить;

Рыбаки въ шалашѣ пробудились,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...

А востокъ все горитъ — разгорается.

Птички солнышка ждуть, птички пѣсни поютъ.

И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбаются.

Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашень блеститъ,

За морями ночлегъ свой покинуло;

На поля, на луга, на макушки ракиль

Золотыми потоками хлынуло.

Ѣдетъ пахарь съ сохой, Ѣдетъ — пѣсню поетъ;

По плечу молодцу все тяжелое...

Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ!

Здравствуй, солнце да утро веселое!

Никитинъ.

Д О К Т О Р Ъ.

Это случилось уже подъ конецъ войны, когда турки, разбивъ на голову армію, съ яростью, неудержимо преслѣдовали ея разбитыя части. Отступленіе походило уже на бѣгство, но, отступая, все-таки дрались. Турки тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ. Все смѣшалось въ какую-то беспорядочную бѣгущую кучу: артиллерія, обозъ, пѣхота, и все это толкало, тѣснило другъ друга, увеличивая смятеніе. Въ это время докторъ возился на одномъ изъ перевязочныхъ пунктовъ за холмомъ, откуда ничего не было видно, куда долеталъ только гулъ этой отчаянной человѣческой бойни. Къ нему тащили жертву за жертвою, и онъ, по обычаю, ворча и ругаясь, ходилъ между рядами несчастныхъ, облитыхъ кровью, искалѣченныхъ людей, перевязывая и въ то же время успокаивая, поддерживая добрымъ, участливымъ словомъ. Съ нимъ было только два молодыхъ фельдшера. Самъ онъ, кажется, не зналъ усталости, какъ не зналъ страха, и работалъ, что называется, не покладая рукъ, весь облитый потомъ, весь обрызганный, измазанный кровью.

— Бѣгите!.. Непріятель!

Это прокричалъ намъ одинъ изъ офицеровъ, прискакавшій внезапно на взмыленной лошади, весь блѣдный и запыхавшійся. На моментъ мы остановились, застывъ отъ этого страшнаго окрика, но оба фельдшера бросились бѣжать, и мы, точно разбуженные ихъ бѣгствомъ, повинуясь какому-то странному влеченію, безсознательно бросились за ними, перескакивая черезъ раненыхъ, искалѣченныхъ людей. Сначала мы двигались безсознательно, не ощущая даже страха, который охватывалъ насъ только постепенно и росъ быстро съ каждымъ шагомъ. Помню, что раненые подняли вопль, прося не бросать ихъ, умоляя всѣми святыми спасти ихъ отъ башибузуконъ, съ невѣроятными для нихъ усиліями хватая наши ноги, платья, ловя наши руки... Можетъ быть, именно это, ихъ вопли подѣйствовали на насъ,—не помню,—все это прошло, какъ сонъ, предо мною,—но мы вдругъ почему-то опомнились и остановились блѣдные, дрожащіе, задыхающіеся... И растерянные, испуганные, задыхавшіеся, мы всѣ стояли молча, въ трепетномъ, жуткомъ ожиданіи, не зная, что дѣлать, за что приняться, и какъ будто стыдясь въ то же время малодушнаго побѣга при страшныхъ отчаянныхъ вопляхъ и крикахъ о спасеніи со стороны раненыхъ.

— Бѣгите же, говорю вамъ!..

— А раненые? — обернулся опомнившійся докторъ къ офицеру, еле переводя духъ.

Тотъ пожалъ плечами въ отвѣтъ.

— Слѣзайте!..—крикнулъ ему докторъ, все больше приходя въ себя.

— Да неприятель на носу! — торопилъ офицеръ, колеблясь.

— Слѣзайте!.. Они несчастнѣе насъ съ вами, — указывалъ докторъ на раненыхъ, — ваша помощь нужна!..

Его мужественный, хотя и задыхающійся голосъ, его примѣръ вернули намъ самообладаніе. Офицеръ слѣзъ, и мы всѣ вмѣстѣ подъ крики доктора: тише, осторожнѣе! — быстро укладывали раненыхъ въ фуру; но ихъ оказалось слишкомъ много. Когда биткомъ набитая фура

двинулась, нѣсколько человѣкъ оставалось все еще на землѣ, продолжая громко молить спасти и ихъ.

— Ну, скажите, — лихорадочно обернулся опять докторъ къ офицеру. — Приведите еще фуру...

— Да вы съ ума сошли... Я говорю вамъ: бѣгите! — разсердился тотъ.

— Не могу! Понимаете, не могу!..

— И фуры взять негдѣ... Гдѣ ее теперь достанешь?!

— Гдѣ хотите... Телѣгу, лафетъ... все равно.

— Бѣгите, говорю вамъ!

— Бѣгите себѣ! Я... я... я, — задыхаясь говорилъ докторъ, — я не оставлю больныхъ.

Блѣдный, дрожащій, съ плотно, почти судорожно сжатыми зубами, онъ усѣлся на землю и развернулъ флагъ съ „Краснымъ Крестомъ“.

Офицеръ покраснѣлъ. Ему, очевидно, стало неловко. Докторъ напомнилъ ему о долгѣ и мужествѣ. Вскочивъ на лошадь, онъ нерѣшительно натянулъ поводья...

— Хорошо, я постараюсь, но врядъ ли!..

Прошла минута-двѣ въ молчаніи, — не больше; но эти двѣ минуты сошли бы за добрую недѣлю. Я съ товарищемъ стояли въ большой нерѣшительности: у насъ были ружья, мы могли бы присоединиться къ любому отряду, но уйти отсюда, гдѣ мы теперь были почти совсѣмъ лишніе, казалось все-таки и жутко, и стыдно. Какъ-то неловко и больно оставлять человѣка въ такомъ положеніи одного, — что-то невольно удерживало насъ, и мы стояли колеблясь. Докторъ это замѣтилъ.

— А вы идите... Что вамъ тутъ дѣлать? — процѣдилъ онъ сквозь плотно сжатые зубы.

— А ты?!

— Я не воинъ!.. Я врачъ, меня съ этимъ флагомъ не тронуть! Да и телѣгу офицеръ привезетъ сейчасъ; онъ не трусъ, — я его знаю!

Мы взглянули на наши ружья, даже взяли ихъ въ руки. Впереди слышался уже грохотъ какой-то приближающейся громадной массы, и оттуда сыпались выстрѣлы... Слышался, казалось, и топотъ... Но въ это

самое время на холмѣ показался офицеръ верхомъ, изо всей мочи гнавшій какую-то обозную телѣгу.

— Скорѣй, скорѣй!.. — кричалъ онъ задыхаясь. — Торопитесь!

Когда мы взѣхали на холмъ, — вся долина влѣво была занята уже непріятельской пѣхотой. Залпъ за залпомъ раздавался сзади, и какая-то шальная пуля задѣла доктора въ ногу... Закачавшись, онъ грохнулся наземь.

— Ничего, — поблѣднѣвъ, какъ смерть, сказалъ онъ намъ, ощупывая ногу, — пустяки, кость цѣла!

— Проклятая пуля, — ворчали мы всѣ, укладывая и его въ телѣгу. — Увидаль ты ее, наконецъ!

— Что ее ругать! — возразилъ онъ, сияясь улыбнуться и морщась отъ боли.

Мачтетъ.

* * *

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! Утѣшится жена
И друга лучший другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Некрасовъ.

Ворона и лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лестъ гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ лстецъ всегда отыщеть уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ—лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ не сводитъ.
И говорить такъ сладко, чуть дыша:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать—такъ, право, сказки!
Какія перышки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!“
Вѣщунина съ похвалъ вкружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы лисицыны слова,
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпаль — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

Старосвѣтскіе помѣщики.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ
прошедшаго вѣка, которыхъ — увы! — теперь уже нѣтъ,
но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чув-
ства мои странно сжимаются, когда вообразу себѣ, что
пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опу-

стѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно мнѣ, заранѣе грустно!

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружающихъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ рассказывать. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ—пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы рассказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась, но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку ужъ черезчуръ приторною для ея добраго лица. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу „ты“, но всегда „вы“: вы, Аѳанасій Ивановичъ, вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“—„Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“.

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностью, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучочками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платевъ, шитыхъ за подстолѣтіе прежде, были уложены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ было поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому.

Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли; перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ, но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь, ведущая въ столовую, хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „батьюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ, но я его очень люблю; и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревеню, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно, соловьемъ, обладающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями; коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицы,—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна, — говорилъ онъ, — если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! — говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ пусть Богъ сохранить отъ такого поущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пошутить надъ Пульхерією Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интересѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ я соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ того же дня, онъ долженъ былъ непременно переночевать. „Какъ можно такую позднюю порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!“ всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ нихъ

верстахъ). „Конечно, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — не равно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ“. — „Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ! — говорила Пульхерія Ивановна. — И къ чему рассказывать этакое на ночь? Разбойники — не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать“.

И гость долженъ быть непременно остаться; но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радужный, грѣющий и усыпляющій рассказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашней своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто гость рассказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: „Я самъ думаю пойти на войну. Почему жъ я не могу итти на войну?..“

— Вотъ уже и пошелъ! — прерывала Пульхерія Ивановна. — Вы не вѣрьте ему, — говорила она, обращаясь къ гостю: — гдѣ уже ему, старому, итти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! ей Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что жъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ! — подхватывала Пульхерія Ивановна. — Куда ему итти на войну! И пистолы его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: такъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлить, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ, и лицо искалѣчить, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что жъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — я куплю новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ рассказывать, — подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. — Я и знаю, что онъ шутитъ, но все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда

говорить; иной разъ слушаешь-слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аванасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣлся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Гоголь.

П О Х О Р О Н Ы.

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный

Въ сонномъ затишьи полей,—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ вдали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...

* * *

Слышишь — звучить похоронное пѣнье:

Это, апостолъ труда и терпѣнья,

Честный рабочій почилъ...

Долго онъ шелъ трудовою дорогою,

Долго родимую землю съ тревогой

Потомъ и кровью поилъ.

* * *

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ ледяющимъ дыханьемъ,

Туча мочила дождемъ...

Выугой избенку его заметало,

Градомъ на нивахъ его побивало

Колось, взрощенный трудомъ.

* * *

Много онъ вынесъ могучей душою,

Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.

Пусть же, зарытый землей,

Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья —

Этотъ апостолъ труда и терпѣнья

Нашей отчизны родной.

Надсонъ.

Механикъ-самоучка И. П. Кулибинъ.

И. П. Кулибинъ родился въ 1735 году въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отецъ его былъ нижегородскій мѣщанинъ, торговавшій мукой. Для обученія грамотѣ мальчикъ былъ отданъ къ приходскому дячку; большаго, по мнѣнію старика Кулибина, и не надо было знать будущему купцу. Чтобы приучить сына къ своему дѣлу, онъ посадилъ его въ лавку присматриваться къ торговлѣ. Но отцовская наука не шла впрокъ ребенку. Стоило, бывало, отцу отлучиться изъ лавки, какъ сынишка бросалъ дѣло и заби-

И. П. Кулибинъ.

вался въ укромный уголокъ. Тамъ онъ вырѣзывалъ изъ дерева разныя вещицы, флюгера, игрушечныя мельницы и забывалъ о покупателяхъ. Отецъ сердился, бранилъ мальчика, даже билъ его, но ничто не помогало. Отъ дѣтскихъ игрушекъ онъ перешелъ къ полезному: устроилъ плотину на ручьѣ и привелъ воду въ прудъ, а изъ пруда выпустилъ въ шлюзъ. Вода въ прудѣ стала проточная,

и въ немъ стала водиться хорошая рыба. За эту выдумку даже отецъ похвалилъ мальчика.

Такъ росъ Кулибинъ, ко всему присматриваясь. Часто и подолгу смотрѣлъ онъ на часы соборной колокольни и все старался понять ихъ устройство. Сталъ онъ доставать книги, какія было можно, и усердно принялся за чтеніе. Но онъ не зналъ иностранныхъ языковъ, а на русскомъ было мало книгъ по механикѣ, да и достать ихъ было трудно. И онъ никакъ не могъ понять устройства часового механизма. Но вотъ разъ у знакомыхъ увидалъ онъ стѣнные часы. Онъ сталъ ихъ внимательно разглядывать и попросилъ позволенія взять ихъ на домъ. Дома онъ разобралъ ихъ, рассмотрѣлъ всѣ колесики и

винты, собралъ снова и такъ хорошо понялъ ихъ устройство, что могъ и самъ смастерить такіе же часы. Но, конечно, часы его не шли, потому что онъ работалъ безъ инструментовъ. Случилось однажды ему быть въ Москвѣ, тамъ онъ сталъ ходить къ часовому мастеру и научился его искусству. Вернувшись домой, онъ съ увѣренностью принялся за работу и сдѣлалъ свои первые часы. Нижегородцы, узнавъ, что у нихъ есть свой часовщикъ-самоучка, цѣлыми толпами приходили смотрѣть на часы и предлагали Кулибину много заказовъ. Сначала онъ ихъ не бралъ, хотѣлъ основательно изучить дѣло, но когда прихватила нужда, пришлось брать работу. Кулибинъ въ это время уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, ему надо было думать о кускѣ хлѣба для семьи. Но и среди срочной работы на заказъ механикъ-самоучка не переставалъ заниматься новыми изобрѣтеніями. Нѣсколько лѣтъ работалъ онъ надъ одной выдумкой, никому не говорилъ о ней, кромѣ одного богатаго купца, который далъ ему средства для выполненія ея. И вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ были готовы, всѣмъ на удивленіе, диковинные часы. Съ одной стороны на нихъ былъ обыкновенный циферблатъ, съ другой, за стекломъ, глазамъ зрителя представлялось слѣдующее: сначала были видны царскія двери; черезъ нѣсколько секундъ двери растворялись, и вдали виднѣлся гробъ, а по сторонамъ его стояла вооруженная стража; затѣмъ являлся ангелъ, отнималъ камень отъ гроба, и стража падала на землю; послѣ этого показывались жены-мироносицы, раздавалась музыка и три раза повторялась пасхальная пѣснь: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...“ Все это повторялось каждый часъ, и всѣ эти чудеса совершались въ небольшихъ часахъ, величиною съ гусиное яйцо. Эти часы Кулибинъ сvezъ въ Петербургъ и поднесъ ихъ императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня долго разговаривала съ Кулибинымъ, милостиво приняла его подарокъ и велѣла выставить часы во дворецъ, чтобы всѣ проходящіе видѣли эту диковинку. Кулибину было выдано 1000 рублей; его причислили къ академіи наукъ и сдѣлали придворнымъ часовщикомъ.

Кулибинъ поселился въ Петербургѣ; здѣсь ему было легче и доставать нужныя книги, и заниматься устройствомъ разныхъ машинъ. Такъ, онъ устроилъ электрическую машину, зрительныя трубки, телескопъ, микроскопъ и немало другихъ полезныхъ инструментовъ, какихъ тогда еще не было въ Россіи. Однажды явилась у него мысль устроить мостъ черезъ Неву, безъ свай и подпорокъ, съ однимъ только сводомъ. Въ это время черезъ Неву не было постоянного моста, и во время ледохода прекращалось сообщеніе между частями города; значить, такой мостъ былъ очень нуженъ. Сталъ Кулибинъ готовить чертежи для задуманнаго моста, сталъ дѣлать модель. Долго пришлось работать надъ моделью: Иванъ Петровичъ все дѣлалъ своими руками до послѣдней мелочи, такъ что надъ нимъ даже подсмѣивались, называли его плотникомъ, а не механикомъ. Наконецъ, модель была окончена. Собрались инженеры и механики и сначала поглядывали съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ на выдумку Кулибина. Но потомъ, когда на его модель моста положили тяжесть въ 700 пудовъ и продержали ее 3 недѣли, и мостъ нисколько не погнулся и не осѣлъ, ученые единодушно одобрили изобрѣтеніе Кулибина. Императрица осталась также очень довольна и приказала выдать механику 5000 руб. за его изобрѣтеніе. Но, по разнымъ обстоятельствамъ, мостъ этотъ не былъ построенъ.

Еще придумалъ Кулибинъ такое судно, которое съ полнымъ грузомъ могло итти противъ теченія и противъ вѣтра. Иванъ Петровичъ родился и выросъ на Волгѣ и хорошо зналъ трудности судовой работы; онъ не разъ съ болью въ сердцѣ наблюдалъ за несчастными бурлаками, которые, налегая грудью на лямку, тянули барки съ грузомъ. Въ то время у насъ еще и слуху не было о пароходахъ, и когда въ одно бурное утро спустили на Неву новое судно, — смотрѣть на это чудо собрались цѣлыя толпы народа. А когда судно скоро и легко пошло противъ теченія, обгоняя лодку съ хорошими гребцами, то собравшійся народъ дружно привѣтствовалъ изобрѣтателя.

Скоро не только въ Петербургѣ, но и заграницей заговорили о необыкновенномъ русскомъ механикѣ-самоучкѣ; не только русскіе ученые, но и иностранцы, прѣзжая въ Петербургъ, считали своимъ долгомъ познакомиться съ даровитымъ человѣкомъ. Но Иванъ Петровичъ нисколько не возгордился этимъ; онъ всегда былъ одинаково простъ и привѣтливъ со всѣми. Не возгордился онъ и тогда, когда государыня собственноручно возложила на него золотую медаль на андреевской лентѣ. Такія медали были въ то время большою рѣдкостью, ихъ имѣли только двое сановниковъ.

Подъ конецъ жизни Иванъ Петровичъ переѣхалъ на родину, въ Нижній-Новгородъ; купилъ себѣ тамъ маленький домикъ и поселился въ немъ со своимъ семействомъ. Жилъ онъ тихо, бѣдно и скромно: у старика никогда не было лишнихъ денегъ, потому что онъ всѣ ихъ тратилъ на свои работы, да на помощь бѣднымъ. Ходилъ онъ въ простомъ русскомъ платьѣ, бороды не брилъ и не желалъ выходить изъ того сословія, въ которомъ родился. Онъ завѣщалъ, чтобы его похоронили какъ можно проще и чтобы съ нимъ въ гробъ положили его молитвенникъ. Уже совсѣмъ больной, лежа въ постели, за нѣсколько дней до смерти, онъ готовилъ чертежъ для какой-то новой машины. Наконецъ, болѣзнь и старость уложили его въ мѣгилу. 30 іюня 1818 года нижегородцы съ грустью узнали о смерти своего земляка, извѣстнаго механика-самоучки, и никто не могъ сказать про покойника ни одного худаго слова.

И. П. Кулибинъ скончался на 84 году жизни. На похороны его собрался весь городъ. Гробъ несли на рукахъ до самаго кладбища; большая толпа народа провожала покойника. Кулибинъ не оставилъ по себѣ никакого наслѣдства, кромѣ добраго имени и полезныхъ изобрѣтеній. Кулибинъ не былъ въ дѣтствѣ въ школѣ, не удалось ему серьезно поучиться и въ юности. Скудное образованіе свое онъ постоянно пополнялъ чтеніемъ книгъ и не разъ жалѣлъ, что не зналъ многого. Если бы при его выдающихся способностяхъ у него были еще научныя знанія, значеніе этого даровитаго русскаго че-

ловѣка было бы еще больше, и мы имѣли бы въ его лицѣ не талантливаго самоучку только, а настоящаго ученаго.

Въ дорогѣ.

— Скучно! скучно!.. Ямщикъ удалой,
Разгони чѣмъ-нибудь мою скуку!
Пѣсню, что ли, пріятель, запой
Про рекрутскій наборъ и разлуку.
Небылицей какой посмѣши,
Или что ты видалъ Расскажи —
Буду, братецъ, за все благодаренъ. —
„Самому мнѣ невесело, баринъ:

Сокрушила злодѣйка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
Въ барскомъ домѣ была учена
Вмѣстѣ съ барышней разнымъ наукамъ.
Понимаешь-ста, шить и вязать.
На варганѣ играть и читать —
Всѣмъ дворянскимъ манерамъ и штукамъ.
Одѣвалась не то, что у насъ
На селѣ сарафанницы наши,
А, примѣрно представить, въ атласъ;
Ѣла вдоволь и меду, и каши.
Видъ вальяжный имѣла такой,
Хоть бы барынѣ, слышь ты природной,
И не то, что нашъ братъ крѣпостной,
То-ись сватался къ ней благородный —
(Слышь, учитель-ста врѣзамшись былъ,
Баить кучеръ, Иванычъ Торопка),
Да, знать, счастья ей Богъ не сулилъ:
Не нужна-ста въ дворянствѣ холопка!

Вышла замужъ господская дочь,
Да и въ Питерь... А справивши свадьбу,
Самъ-атъ, слышь ты, вернулся въ усадьбу.
Захворалъ и на Троицу въ ночь
Отдалъ Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ зятекъ,—
Перебралъ по ревизіи души
И съ запашки ссадилъ наоброкъ,
А потомъ добрался и до Груши,
Знать, она согрubiла ему
Въ чемъ-нибудь, али на просто тѣсно
Вмѣстѣ жить показалось въ дому,
Понимаешь-ста, намъ неизвѣстно,—
Воротилъ онъ ее на село—
Знай-де мѣсто свое ты, мужичка!
Взвыла дѣвка — крутенько пришло:
Бѣлоручка, вишь ты, бѣлоличка!

Какъ на грѣхъ девятнадцатый годъ
Мнѣ въ ту пору случись... посадили
На тягло—да на ней и женили...
То-ись, сколько я нажилъ хлопотъ!
Видъ такой, понимаешь, суровый...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грѣхъ сказать, чтобъ лѣнива была,
Да, вишь, дѣло въ рукахъ не спорилось!
Какъ дрова или воду несла,
Какъ на барщину шла — становилось
Инда жалко подчасъ... да куды!—
Не утѣшишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей въ сарафанѣ неловко.
При чужихъ и туда, и сюда,
А украдкой реветъ, какъ шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патреть все глядитъ.
Да читаетъ какую-то книжку...
Инда, страхъ меня, слышь ты, щемить,
Что погубить она и сынишку:
Учить грамотѣ, моегъ, стрижеть,
Словно барченка каждый день чешеть,
Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
Да не долго пострѣла потѣшить!

Слышь, какъ щепка, худа и блѣдна,
Ходить то-ись совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣсть толокна —
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
А съ чего?.. Видить Богъ, не томилъ
Я ее безустанной работой...
Одѣваль и кормилъ, безъ пути не бранилъ,
Уважалъ то-ись вотъ какъ, съ охотой...
А, слышь, бить — такъ почти не бивальъ,
Развѣ только подъ пьяную руку...“
— Ну, довольно, ящичь! Разогналъ
Ты мою неотвязную скуку!..

Некрасовъ.

«Человѣкъ за бортомъ!»

Дневная жара начинала спадать. Солнце уже стояло низко. Подгоняемый вѣтеркомъ, корабль спокойно плыть по морю. Пусто кругомъ: куда ни взглянешь, все та же безбрежная водная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ прозрачной синевой безоблачнаго купола. Море да небо, небо да море и только...

— Дозвольте, ваше благородіе, пѣсенникамъ пѣсни пѣть? — спросилъ унтеръ-офицеръ, подходя къ офицеру.

Офицеръ далъ свое согласіе, и черезъ минуту стройные звуки деревенской пѣсни разнеслись по синему морю.

Пѣсня лилась за пѣсней и напоминала матросамъ далекую родину съ ея снѣгами и морозами, полями и лѣсами и черными избами, съ ея близкими сердцу бездоельемъ и убожествомъ.

Хорошо покоютъ пѣсенники! Голоса подобрались все молодые, свѣжіе и чистые и спѣлись отлично. Особенно всѣмъ нравился чудесный голосъ матроса Шутикова.

Наконецъ, пѣніе и пляска кончились. Когда Шутиковъ, сухощавый, стройный чернявый матросъ, вышелъ изъ круга и пошелъ курить, его провожали одобрительными замѣчаніями.

Шутиковъ улыбался, скаля свои бѣлые, ровные зубы изъ-подъ добродушныхъ пухлыхъ губъ.

Шутиковъ пользовался общей пріязнью. Всѣ любили его, и онъ всѣхъ, казалось, любилъ.

Послѣ того, какъ Шутиковъ ушелъ, вдругъ торопливо выскочилъ на палубу плотный пожилой матросъ Игнатовъ.

Блѣдный и растерянный, съ непокрытой, коротко остриженной, круглой головой, онъ сообщилъ злобнымъ и взволнованнымъ голосомъ, что у него украли золотой.

Игнатовъ былъ рулевымъ, служилъ исправно, стараясь ладить со всѣми, былъ грамотень и старательно скрывалъ, что у него водятся деньжонки.

— Это безпремѣнно Прошка! Никто, какъ онъ! — злобно говорилъ Игнатовъ. — Даве онъ все вертѣлся на палубѣ, когда я ходилъ въ сундукъ... Что жъ теперь дѣлать, братцы? — спрашивалъ онъ стариковъ. — Неужто я такъ и рѣшусь денегъ... Вѣдь деньги-то у меня кровные... Сами знаете, братцы, какія у матроса деньги... По грошамъ собирать...

Прохоръ Житинъ былъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, мягкотѣлый, неуклюжій, съ несоразмѣрнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ. Прошка съ самаго начала плаванія не полюбился товарищамъ. Всѣ имъ помыкали: унтеръ-офицеры пѣходя, и за дѣло, и такъ, здорово живешь, ругали и били Прошку, приговаривая: „У, лодыр!“ И онъ никогда не сердился за это, а съ какой-то привычной, тупой покорностью забитаго животнаго переносилъ побои. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ кражъ, въ которыхъ онъ былъ уличенъ, съ нимъ почти не разговаривали и обращались съ пренебреженіемъ. Всякій, кому не лѣнь, могъ безнаказанно обругать его, ударить, послать куда-нибудь, поглумиться надъ нимъ, словно бы иначе и нельзя было обращаться съ Прошкой. И Прошка такъ, казалось, привыкъ къ этому положенію загнанной паршивой собаки, что и не ждалъ иного обращенія и переносилъ свою каторжную жизнь, повидимому, безъ особенной тягости.

Когда, вслѣдъ за Игнатовымъ, Прошка подошелъ, всѣ разговоры смолкли. Матросы тѣснѣе сомкнулись, и глаза всѣхъ устремились на вора.

— Признавайся, ты у меня золотой изъ сундука укралъ? — закричалъ Игнатовъ.

— Я денегъ твоихъ не бралъ! — тихо отвѣчалъ Прошка.

Игнатовъ пришелъ въ ярость.

— Ой, смотри... До смерти избыю, коли ты добромъ не отдашь денегъ! — сказалъ Игнатовъ и сказалъ такъ злобно и серьезно, что Прошка подался назадъ.

И со всѣхъ сторонъ слышались непріязненные голоса.

Тогда Игнатовъ пожелалъ испробовать послѣднее средство и вдругъ мягко заговорилъ. Теперь онъ не угрожалъ, а просилъ Прошку отдать деньги.

— Тебѣ ничего не будетъ... Слышишь?... Отдай только мои деньги... Тебѣ вѣдь пропить, а у меня семейство... Отдай же! — почти молилъ Игнатовъ.

— Общайте меня... Не бралъ я твоихъ денегъ!

— Такъ ты не бралъ? Не бралъ? — воскликнулъ Игнатовъ съ поблѣвшимъ отъ злобы лицомъ. — Не бралъ?!

И съ этими словами онъ, какъ ястребъ, налетѣлъ на Прошку.

— А, можетъ, это и не онъ, — вдругъ тихо сказалъ Шутиковъ.

То же, казалось, подумалось и другимъ матросамъ.

— Не онъ! Впервые ему, что ли? Это безпремѣнно его дѣло... Воръ извѣстный.

Игнатовъ, взявъ двухъ человѣкъ, ушелъ обыскивать Прошкины вещи.

Ночь быстро спустилась надъ моремъ.

Матросы спали на палубѣ: внизу было душно...

Въ эту ночь, съ полуночи до шести, на караулъ довелось быть той смѣнѣ, въ которой были Шутиковъ и Прошка.

Шутиковъ отправился покурить. Выкуривъ трубку, онъ пошелъ, осторожно ступая между спящими, и, разглядѣвъ въ темнотѣ Прошку, одиноко притулившагося у борта и поклевывавшего носомъ, тихо окликнулъ его:

— Это ты, Прошка?

— Я! — встрепенулся Прошка.

— Что я тебѣ скажу, — сказалъ ему Шутиковъ тихимъ, ласковымъ голосомъ: — вѣдь Игнатовъ, самъ знаешь, человѣкъ какой... Онъ тебя вовсе избѣгаетъ на берегу... безо всякой жалости. Я, братецъ, вѣрю, что ты не бралъ... Слышь, вѣрю, и пожалѣлъ, что тебя занапрасно давеча били, и Игнатовъ еще грозитъ бить... А ты вотъ чего, Прошка: возьми ты у меня десять рублей и отдай ихъ Игнатову... Богъ съ нимъ! Пусть радуется на деньги! А мнѣ когда-нибудь отдашь, — приневолить не стану... Такъ-то оно будетъ аккуратнѣй... Да, слышь, никому не сказывай! — сказалъ Шутиковъ.

Прошка былъ рѣшительно озадаченъ и не находилъ въ первую минуту словъ. Если бъ Шутиковъ могъ разглядѣть Прошкино лицо, то увидалъ бы, что оно смущено и необыкновенно взволновано. Еще бы! Прошку жалѣютъ и мало того, что жалѣютъ, еще предлагаютъ деньги, чтобы избавить его отъ битья. Все это Прошкѣ было въ диковину.

Молча стоялъ онъ, опустивъ голову.

— Спасибо тебѣ, добрая твоя душа! — отвѣчалъ Прошка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ и вдругъ рѣшительно прибавилъ: — Только твоихъ денегъ, Шутиковъ, не нужно... Я все же чувствую и не хочу передъ тобой быть подлецомъ... Не желаю... Я самъ уже отдамъ Игнатову его золотой.

— Такъ, значитъ, ты...

— То-то я! — чуть слышно промолвилъ Прошка... Никто бы и не дознался... Деньги-то въ пушкѣ запрятаны...

— Эхъ, Прохоръ, Прохоръ! — упрекнулъ только Шутиковъ грустнымъ голосомъ и покачалъ головой.

Утромъ, послѣ смѣны, Прохоръ принесъ Игнатову золотой.

Со той памятной ночи Прошка беззавѣтно привалялся къ Шутикову и былъ преданъ ему, какъ вѣрная собака.

И лодырничать сталъ Прошка меньше, работая безъ прежняго лукавства. Бить его стали рѣже, но отношеніе къ нему оставалось попрежнему пренебрежительное.

Утро стояло солнечное, блестящее, но прохладное. Дулъ свѣжій, ровный вѣтеръ, и по небу пронеслись бѣлоснѣжныя облака. Плавнo раскачиваясь, корабль тихо плылъ по синему морю.

Вдругъ раздался отчаянный крикъ: „Человѣкъ за бортомъ!“ Не прошло послѣ этого нѣсколькихъ секундъ, какъ снова пронесся зловѣщій крикъ: „Еще человѣкъ за бортомъ!“

На мгновеніе все замерло на кораблѣ. Многіе въ ужасѣ крестились.

Съ первымъ окрикомъ всѣ офицеры выскочили наверхъ. Капитанъ и старшій офицеръ, оба взволнованные, уже были на мостикѣ.

— Онъ, кажется, схватился за буюкъ! — проговорилъ капитанъ. — Сигнальщикъ, не спускай ихъ съ глазъ!..

— Есть... Вижу!

— Скорѣй... скорѣй ложитесь, спускайте баркасъ! — нервно, отрывисто торопилъ капитанъ.

Но торопить было нечего. Понимая, что каждая секунда дорога, матросы рвались, какъ бѣшеные. Черезъ восемь минутъ корабль остановился, и баркасъ съ людьми, подъ начальствомъ офицера, тихо спускался въ воду.

— Съ Богомъ! — напутствовалъ капитанъ. — Ищите людей!.. Да не заходите далеко! — прибавилъ онъ.

Упавшихъ въ море уже не было видно даже и въ трубу. Въ эти восемь минутъ корабль убѣжалъ уже далеко.

— Кто это упалъ? — спросилъ капитанъ старшаго офицера.

— Шутиковъ.

— А другой?

— Житинъ! Бросился за Шутиковымъ.

— Житинъ? Этотъ трусъ и рохля! — удивился капитанъ.

— Я самъ не могу понять! — отвѣчалъ офицеръ.

Между тѣмъ всѣ смотрѣли на баркасъ, который медленно удалялся отъ корабля, то скрываясь, то показываясь среди волнъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ скрылся отъ глазъ, и кругомъ было видно одно волнующееся море.

На кораблѣ царила угрюмая тишина. Изрѣдка лишь матросы перекидывались словами вполголоса. Капитанъ смотрѣлъ на море. Старшій штурманъ и два сигнальщика также смотрѣли въ подозрѣнныя трубы.

Такъ прошло долгихъ полчаса.

— Баркасъ идетъ назадъ! — доложилъ сигнальщикъ.

И снова всѣ взглянули на море.

Баркасъ подходилъ все ближе и ближе.

— Оба въ баркасѣ! — весело крикнулъ сигнальщикъ.

Радостный вздохъ вырвался у всѣхъ. Многіе матросы крестились. Корабль словно ожилъ. Снова пошли разговоры.

— Счастливо отдѣлались! — проговорилъ капитанъ, и на его серьезномъ лицѣ появилась радостная, хорошая улыбка.

Улыбался въ отвѣтъ и офицеръ.

— А Житинъ-то... трусь, трусь, а вотъ, подите!.. — продолжалъ капитанъ.

— Удивительно... И матросъ-то лодырь, а бросился за товарищемъ... Шутиковъ заступался за него! — сказалъ офицеръ въ поясненіе.

И всѣ дивились Прошкѣ.

Черезъ десять минутъ баркасъ подошелъ къ борту и благополучно былъ поднятъ на корабль.

Мокрые, вспотѣвшіе и красные, тяжело дыша отъ усталости, выходили гребцы изъ баркаса. Вышли Шутиковъ и Прошка, отряхиваясь, словно утки, отъ воды, оба блѣдные, взволнованные и счастливые.

Всѣ съ уваженіемъ смотрѣли теперь на Прошку, стоявшаго передъ подошедшимъ капитаномъ.

— Молодецъ, Житинъ! — сказалъ капитанъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого неуклюжаго, невзрач-

наго матроса, не пожалѣвшаго жизни для спасенія товарища.

Съ этого дня Прошка пересталъ быть прежнимъ загнаннымъ Прошкой и обратился въ Прохора.

Станюковичъ.

Лисица и осель.

„Отколѣ умная бредешь ты голова?“

Лисица, встрѣтятся съ осломъ, его спросила.

— „Сейчасъ лишь ото льва!“

Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:

Бывало, зарычить, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,

И я безъ памяти бѣгомъ,

Куда глаза глядятъ, отъ этого уroda;

А нынѣ въ старости и дряхлѣ и хилѣ,

Совсѣмъ безъ силъ,

Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли, въ звѣряхъ

Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.

И поплатился онъ старинными долгами!

Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымещалъ ему

По-своему:

Кто зубомъ, кто рогами...

— „Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“

Лиса осла перерываетъ.

— „Вотъ на!—осель ей отвѣчаетъ:—

„А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:

Пускай ослиныя копыта знаетъ!“

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,

Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды:

Но упади лишь съ высоты—

Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

Крыловъ.

Даміанъ-де-Верстеръ, другъ прокаженныхъ.

Даміанъ-де-Верстеръ былъ родомъ изъ Бельгіи. Его отецъ былъ земледѣлецъ, и дѣтство Даміана прошло въ деревнѣ. Тамъ онъ и учился въ сельской школѣ. А когда онъ подросъ, то родители отвезли его въ торговое училище, мечтая о томъ, что онъ впослѣдствіи сдѣлается купцомъ или фабрикантомъ. Но Даміану эти планы были совсѣмъ не по душѣ. Онъ учился уже въ старшемъ классѣ, когда случайно попалъ въ собраніе проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Миссіонеры рассказывали о томъ, какъ они проповѣдывали христіанство среди дикихъ людей, какимъ подвергались опасностямъ, какъ терпѣли холодъ, голодъ, обиды и поруганія — все ради того, чтобы принести темнымъ людямъ проповѣдь евангелія. Передъ Даміаномъ открылась совершенно новая жизнь; ему захотѣлось служить людямъ такъ же, какъ миссіонеры. Сначала онъ поступилъ въ монастырь; всѣмъ сердцемъ рвался онъ къ труду, къ подвигу, но его нигде не посылали: онъ былъ слишкомъ молодъ. Наконецъ, мечта его сбылась: его назначили проповѣдникомъ на Гавайскіе острова (на Великомъ океанѣ), чтобы наставлять въ христіанской вѣрѣ полудикихъ жителей. Даміанъ быстро собрался и отправился къ мѣсту назначенія. Черезъ 5 мѣсяцевъ утомительнаго и опаснаго плаванія, высадился онъ въ столицѣ Гавайи, Гонолулу, и на другой же день уѣхалъ въ свой приходъ. Желаніе его сбылось. Онъ очутился среди темныхъ, бѣдныхъ братьевъ, которымъ могъ принести свѣтъ ученія Христа. Десять лѣтъ своей жизни провелъ Даміанъ на этихъ островахъ, уча людей добру и наставляя ихъ.

Во время своихъ странствій по приходу Даміану нерѣдко случалось встрѣчать прокаженныхъ. Проказа — одна изъ самыхъ ужасныхъ болѣзней. Она медленно разѣдаетъ все тѣло человѣка. Обыкновенно, она начинается съ того, что на тѣлѣ появляются пятна, сначала на лицѣ и конечностяхъ, а потомъ и на всемъ туловищѣ. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показываются пятна, кожа

уплотняется, на ней выступают бугры, иногда величиною съ грецкій орѣхъ. Все лицо становится одутловатымъ. Глаза кажутся маленькими отъ нависшихъ складокъ лба; волосы и брови выпадаютъ; всѣ черты лица уродливо измѣняются. Иногда на этихъ буграхъ образуются язвы, которыя совершенно обезображиваютъ человѣка: вѣки остаются вывороченными, губы искривленными, пальцы навсегда сведенными. Нерѣдко у больныхъ отваливаются части пальцевъ или даже отпадаетъ вся кисть руки или ступня. Средство отъ проказы до сихъ поръ не найдено, и спасенія отъ нея нѣтъ. Когда проказа впервые появилась на Гавайскихъ островахъ, жители не знали, что она заразительна, и не принимали никакихъ мѣръ. И проказа распространилась по всѣмъ островамъ. Тогда гавайское правительство сдѣлало такое распоряженіе: чтобы болѣзнь не разносилась на здоровыхъ, всѣхъ больныхъ удалить навсегда и поселить отдѣльно. Былъ избранъ для этого особый островъ Молокаи; сюда стали свозить прокаженныхъ. Ужасную картину представлялъ изъ себя этотъ островъ, гдѣ жили сотни прокаженныхъ. Жалкіе, безпріютные, искалѣченные, бродили они здѣсь, точно дикіе звѣри. Не было у нихъ ни настоящихъ жилищъ, ни одежды, ни здоровой пищи. Оторванные отъ друзей и родныхъ, всѣми забытые, люди эти махнули на все рукой и предавались ужасному пьянству и разврату; болѣзнь отъ этого еще усиливалась. Такъ, всѣми покинутые, умирали они здѣсь медленной и мучительной смертью. На прокаженный островъ заглядывали иногда, для порядка, чиновники и священники, но оставались тамъ самое короткое время: ихъ пугаль отвратительный видъ прокаженныхъ, они боялись сами заразиться этой ужасною болѣзью. Такъ шли годы, и ни одинъ лучъ свѣта не падалъ въ тѣму этой живой могилы.

Однажды Даміану случилось посѣтить этотъ островъ. Когда пароходъ причалилъ къ молокайской пристани, и онъ вышелъ на берегъ, его окружила толпа прокаженныхъ. Случалось ему видѣть прокаженныхъ и раньше, но тутъ онъ отступилъ въ ужасѣ при видѣ этой массы

людей, обезображенныхъ, покрытыхъ язвами и струпьями. Сердце его сжималось отъ жалости, когда онъ обходилъ жилища этихъ людей и увидалъ ихъ жалкую жизнь. Онъ увидалъ въ вонючихъ берлогахъ обнаженныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, покрытыхъ ранами и валяющихся въ грязи. Никто не ходилъ за ними, не перевязывалъ ихъ ранъ; у нѣкоторыхъ даже не было воды для питья. Въ иныхъ жилищахъ онъ наткнулся на пьяныхъ, въ другихъ на покойниковъ, о которыхъ забыли. Это былъ какой-то адъ, а не жизнь. Всю обратную дорогу въ Гонулуду Даміанъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Тяжелая тоска давила его душу. Онъ вернулся въ свой приходъ, но не могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ: передъ нимъ такъ и стояла ужасная картина. Наконецъ, Даміанъ попросилъ начальство, чтобы его отпустили къ прокаженнымъ и оставили тамъ навсегда. Даміана отговаривали отъ такого рѣшенія, но онъ былъ непреклоненъ. „Я знаю одно,—говорилъ онъ,—что нельзя оставлять этихъ людей безъ всякой божеской и человѣческой помощи“. Онъ собрался, простился со своимъ приходомъ и отправился на Молокаи, чтобы навсегда остаться среди прокаженныхъ: вернуться оттуда нельзя было, потому что онъ могъ бы перенести заразу.

Трудное дѣло предстояло Даміану: онъ былъ одинъ, а прокаженныхъ 800 человѣкъ. Съ перваго дня принялся онъ за работу. Провелъ воду къ селенію, началъ устраивать жилища, въ чемъ ему помогали болѣе здоровые и сильные прокаженные; построилъ пріютъ для сиротъ и школу для дѣтей. Прокаженные терпѣли большой недостатокъ въ пищѣ, отчего многіе умирали отъ истощенія. Послѣ долгихъ и настоятельныхъ требованій и просьбъ Даміана на островъ стали посылать свѣжіе запасы пищи. Такимъ же образомъ выпрашивалъ онъ у своихъ богатыхъ друзей и знакомыхъ одежду для прокаженныхъ и разныя другія необходимыя вещи. Прокаженные скоро полюбили своего благодѣтеля: они видѣли, какъ онъ цѣлый день трудился для нихъ: то шелъ на постройку съ топоромъ въ рукахъ, то перевязывалъ

раны больнымъ, то училъ дѣтей, то проповѣдывалъ евангеліе, то молился съ ними, то хоронилъ ихъ покойниковъ. Тронулись сердца самыхъ безпечныхъ и жестокихъ; они устыдились своей прежней безпутной жизни и перемѣнились къ лучшему. Многіе изъ нихъ сами стали помогать Даміану. Въ больницѣ, которую онъ выстроилъ, болѣе здоровые прокаженные ухаживали за больными и умирающими. Самъ Даміанъ постоянно бывалъ въ больницѣ и нерѣдко цѣлыми часами просиживалъ съ умирающими, ободряя и напутствуя ихъ. Прежде, когда-то эти люди умирали, брошенные, какъ падаль; теперь надъ ними склонялось ласковое лицо добраго челоуѣка; глаза его смотрѣли на нихъ съ любовью, уста его говорили имъ слова утѣшенія и молитвы. И они отходили въ вѣчность, примиренные и успокоенные.

Уже больше десяти лѣтъ прожилъ Даміанъ на Молокаи, и проказа не коснулась его. Но вотъ однажды онъ замѣтилъ у себя на тѣлѣ какія-то пятна; черезъ нѣсколько дней стали дѣлаться опухоли. Даміанъ никому ничего не говорилъ, хотя зналъ, что заразился. Онъ попрежнему продолжалъ неумоимо работать, несмотря на то, что ему становилось все хуже и хуже. Проказа охватила все его тѣло. Но пока глаза его глядѣли, языкъ могъ говорить, онъ не переставалъ заботиться о своемъ народѣ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ роднымъ, Даміанъ писалъ: „Мнѣ трудно уже писать. Болѣзнъ движется впередъ. Тѣмъ не менѣе, я счастливъ и доволенъ и желаю только одного—исполненія воли Божіей“. Прошло еще нѣсколько времени; больной уже не могъ выходить изъ комнаты. Иногда онъ сильно страдалъ и лежалъ безъ движенія въ своемъ бѣдномъ жилищѣ. Наконецъ, силы его совершенно изсякли. Онъ лежалъ, не двигаясь на матрацѣ, разостланномъ на полу, какъ самый бѣдный изъ прокаженныхъ. Едва могли уговорить его лечь на принесенную постель. Въ день смерти Даміанъ причастился. Онъ не могъ больше говорить, но, сжимая руки своихъ товарищей, желалъ этимъ выразить свою любовь къ нимъ. Печально зазвонилъ колоколь, и по всему селенію послышались вопли про-

каженныхъ. Тѣло Даміана похоронили рядомъ съ тѣлами двухъ тысячъ бѣдныхъ изгнанниковъ, которыхъ онъ хоронилъ своими руками. Даміанъ умеръ, но его любовь къ людямъ осталась. Эта любовь перешла въ сердца его товарищей, и мертвый Даміанъ дѣлаетъ черезъ нихъ свое дѣло, какъ живой.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣ-бъ стережъ имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые жъ псы притомъ
Ни на кого не лають днемъ—
Такъ разсуждать они пустились вдвоемъ
О всякой всячинѣ: объ ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
— Что можетъ, — говоритъ Полканъ, — пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить,
Во всемъ оказывать взаимную услугу,
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружную шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружномъ счастіѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если-бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась,
Скажу я смѣло,
Мы-бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло“.
— А что же? это дѣло! —
Барбосъ отвѣтствуетъ ему. —
Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей;
Почти совсѣмъ не видно.—
„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!“
Вскричалъ Полканъ.— Дай лапу!“— Вотъ она!—
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
„Орестъ мой!“ — Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть,
злость!—
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только ключья вверхъ летятъ;
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Крыловъ.

Наступленіе весны.

Весна долго не открывалась. Последнія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ быть такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ переменъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные, вспѣнившіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло, и открылась настоящая весна. На утро, поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній ожившей земли. Зазеленѣла старая и вы-

лѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная, облетававшая пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою, неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще неперелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей, побѣждали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

Л. Толстой.

Зеленый шумъ.

Идетъ - гудеть	зеленый шумъ,	Водой не замутить!
Зеленый шумъ,	весенній шумъ!	Да съ ней бѣда случилася, Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Играючи расходится		Сама сказала, глупая, Типунъ ей на языкъ!
Вдругъ вѣтеръ верховой:		Въ избѣ самъ-другъ съ обманщицей
Качнетъ кусты ольховые,		Зима насъ заперла, Въ мои глаза суровые
Подниметъ пыль цвѣточную,		Глядитъ, молчитъ жена. Молчу... а дума лютая
Какъ облако,—все зелено		Покоя не даетъ: Убить... такъ жаль сердечную!
И воздухъ, и вода!		Стерпѣть—такъ силы нѣтъ! А тутъ зима косматая
Идетъ - гудеть	зеленый шумъ,	Реветъ и день, и ночь:
Зеленый шумъ,	весенній шумъ!	„Убей, убей измѣнницу!
Скромна моя хозяйшка		
Наталя Патрикѣвна,		

Злодѣя изведи!	Сосновые лѣса;
Не то весь вѣкъ про-	А рядомъ, новой зеленью,
маешься,	Лепечуть пѣсню новую
Ни днёмъ, ни долгой но-	И липа блѣдно-листая,
ченькой	И бѣлая березонька
Покоя не найдешь.	Съ зеленою косой!
Въ глаза твои безстыжіе	Шумить тростинка малая,
Сосѣди наплюютъ!..“	Шумить высокій клѣнь...
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю	Шумятъ они по новому,
Окрѣпла дума лютая—	По новому, весеннему...
Припасъ я вострый ножъ...	Идетъ - гудеть зеленый
Да вдругъ весна подкра-	шумъ,
лася...	Зеленый шумъ, весенній
Идетъ - гудеть зеленый	шумъ!
шумъ,	Слабѣтъ дума лютая,
Зеленый шумъ, весенній	Ножъ валится изъ рукъ,
шумъ!	И все мнѣ пѣсня слышится
Какъ молокомъ облитые,	Одна—въ лѣсу, въ лугу:
Стоять сады вишневые,	„Люби, покуда любится,
Тихохонько шумятъ;	Терпи, покуда терпится,
Пригрѣты теплымъ солнц-	Прощай, пока прощается,
комъ,	И Богъ тебѣ судья!“
Шумятъ повеселѣлые	<i>Некрасовъ.</i>

Гуттаперчевый мальчикъ.

Клоунъ Эдвардъ былъ первымъ любимцемъ публики, первымъ потѣшникомъ, изобрѣтавшимъ чуть ли не каждое представленіе что-нибудь новое, заставлявшее зрителей смѣяться до упаду и хлопать до неистовства. Онъ одинъ могъ замѣнить цѣлую труппу, быть отличнымъ наѣздникомъ, мастеромъ дрессировать ученыхъ лошадей, собакъ, обезьянъ, голубей, а какъ клоунъ, какъ потѣшникъ, не звалъ себѣ соперника. Но припадки тоски, въ связи съ запоемъ, преслѣдовали его повсюду. Все тогда пропадало.

Когда онъ былъ здоровъ, его постоянно можно было видѣть съ какимъ-нибудь ребенкомъ изъ труппы; за неимѣніемъ такого, онъ возился съ собакой, обезьяной, птицей и т. д. Въ послѣднее время выражалъ онъ особенную заботливость къ гуттаперчевому мальчику.

Проходя мимо уборной гуттаперчеваго мальчика, или, вѣрнѣе мимо уборной акробата Беккера, такъ какъ мальчикъ былъ только его воспитанникомъ, Эдвардсъ остановился. Отворивъ дверь, Эдвардсъ вошелъ въ крошечную низкую комнату, расположенную подъ первой галлереей для зрителей; нестерпимо было въ ней отъ духоты и жары. На одномъ изъ стульевъ сидѣлъ Беккеръ, — совершенное подобіе Голіава; на другомъ стулѣ помѣщался тоже завитой, но совершенно голый бѣлокурый и худощавый мальчикъ лѣтъ восьми. Онъ не успѣлъ еще простыть послѣ представленія; на тоненькихъ его членахъ и впадинѣ посреди груди мѣстами виднѣлся еще лоскъ отъ испарины; голубая ленточка, перевязывавшая ему лобъ и державшая его волосы, была совершенно мокрая; большія влажныя пятна пота покрывали трико, лежавшее у него на колѣняхъ. Мальчикъ сидѣлъ неподвижно, робко, точно наказанный или ожидающій наказанія. Онъ поднялъ глаза тогда только, какъ Эдвардсъ вошелъ въ уборную.

— Чего надо? — непривѣтливо произнесъ Беккеръ, поглядывая не то сердито, не то насмѣшливо на клоуна.

— Полно, Карлъ, — возразилъ Эдвардсъ задобривающимъ голосомъ, и видно было, что требовалось на это съ его стороны нѣкоторое усиліе. — Ты лучше вотъ что: дай-ка мнѣ до семи часовъ мальчика, я бы погулялъ съ нимъ до представленія... Повелъ бы его на площадь поглядѣть на балаганы...

Лицо мальчика замѣтно оживилось, но онъ не смѣлъ этого явно выказать.

— Не надо, — сказали Беккеръ, — не пушу; онъ сегодня худо работаетъ.

Въ глазахъ мальчика блеснули слезы; взглянувъ украдкой на Беккера, онъ поспѣшилъ раскрыть ихъ,

употребляя всѣ свои усилія, чтобы тотъ ничего не примѣтилъ.

— Онъ вечеромъ лучше будетъ работать, — продолжалъ заговаривать Эдвардсъ. — Послушай-ка, я вотъ что скажу: пока мальчикъ будетъ простывать и одѣваться, я велю принести изъ буфета пива...

— И безъ того есть! — грубо перебилъ Беккеръ.

— Ну, какъ хочешь; а только мальчику было бы веселѣе; при нашей работѣ скучать не годится; самъ знаешь: веселость придаетъ силу и бодрость...

— Это ужъ мое дѣло! — отрѣзалъ Беккеръ, очевидно, бывшій не въ духѣ.

Эдвардсъ больше не возражалъ. Онъ взглянулъ еще разъ на мальчика, продолжавшаго дѣлать усилія, чтобы не заплакать, покачалъ головою и вышелъ изъ уборной.

Карлъ Беккеръ допилъ остатокъ пива и приказалъ мальчику одѣваться. Когда оба были готовы, акробатъ взялъ со стола хлыстъ, свистнулъ имъ по воздуху, крикнулъ „марш!“ и, пропустивъ впередъ воспитанника, зашагалъ по корридору.

Воспитанникъ акробата Беккера назывался „гуттаперчевымъ мальчикомъ“ только на афишкахъ; настоящее имя его было Петя; всего вѣрнѣе, впрочемъ, было бы назвать его несчастнымъ мальчикомъ. Особенно тяжело стало Петѣ, когда началось ученье. Послѣ первыхъ опытовъ, Беккеръ убѣдился, что не ошибся въ мальчикѣ; Петя былъ легокъ, какъ пухъ, и гибокъ въ суставахъ; недоставало, конечно, силы въ мускулахъ, чтобы управлять этими природными качествами; но бѣды въ этомъ еще не было. Беккеръ не сомнѣвался, что сила пріобрѣтается отъ упражненій. Онъ могъ отчасти даже теперь убѣдиться въ этомъ на питомцѣ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ онъ каждыя утро и вечеръ, посадивъ мальчика на полъ, заставлялъ его пригнуться головою къ ногамъ, Петя могъ исполнять такой маневръ уже самъ по себѣ, безъ помощи наставника. Несравненно труднѣе было ему перегибаться назадъ и касаться пятками затылка; мало-по-малу онъ, однакожъ, и къ этому сталъ привыкать. Онъ ловко также начиналъ прыгать съ

разбѣга черезъ стулъ; но только, когда, послѣ прыжка, Беккеръ требовалъ, чтобы воспитанникъ, перескочивъ на другую сторону стула, падалъ не на ноги, а на руки, оставляя ноги въ воздухѣ,—послѣднее рѣдко удавалось; Петя летѣлъ кувиркомъ, падалъ на лицо или на голову, рискуя свихнуть себѣ шею.

Неудача или ушибъ составляли, впрочемъ, половину горя; другая половина, болѣе вѣская, заключалась въ тузахъ, которыми всякій разъ надѣлялъ его Беккеръ.

Въ трупѣ всѣ уже знали воспитанника Беккера. Въ послѣднее время онъ добывалъ ему изъ гардеробной костюмъ клоуна и, набѣливая ему лицо, нашлепывая румянами два клякса на щекахъ, выводилъ его во время представленія на арену; иногда, для пробы, Беккеръ неожиданно подымалъ ему ноги, заставляя его пробѣжать на рукахъ по песку. Петя напрягалъ тогда всѣ свои силы; но часто онѣ измѣняли ему; пробѣжавъ на рукахъ нѣкоторое пространство, онъ вдругъ ослабѣвалъ въ плечахъ и тыкался головою въ песокъ,—чѣмъ пробуждалъ всегда веселый смѣхъ въ зрителяхъ. Подъ руководствомъ Эдвардса онъ сдѣлалъ бы, безъ сомнѣнія, больше успѣховъ; въ рукахъ Беккера дальнѣйшее развитіе, очевидно, замедлялось. Петя продолжалъ бояться своего наставника, какъ въ первый день.

И ничего, ничего Беккеръ не дѣлалъ, чтобы сколько-нибудь привязать къ себѣ мальчика.

Но что ужъ дальше рассказывать! Несмотря на легкость и гибкость, Петя былъ, какъ мы сказали выше, не столько гуттаперчевымъ, сколько несчастнымъ мальчикомъ.

Представленіе въ циркѣ еще не начиналось. Но на масляницѣ любятъ веселиться, и потому циркъ, особенно въ верхнихъ ярусахъ, былъ набитъ посѣтителями.

Оркестръ гремѣлъ въ то же время всѣми своими трубами. Но круглая арена, залитая свѣтомъ съ боковъ и сверху, гладко выглаженная граблями, была еще пуста. Главную часть зрителей на первомъ планѣ составляли дѣти. Точно цвѣтникъ разсыпался вокругъ барьера.

Неожиданно оркестръ заигралъ учащеннымъ темпомъ. Занавѣсъ у входа въ конюшню раздвинулся и пропустилъ человѣкъ двадцать, одѣтыхъ въ красныя ливреи, обшитыя галуномъ; всѣ они были въ ботфортахъ, волосы на ихъ головахъ были круто завиты и лоснились отъ помады. Сверху донизу цирка прошелъ одобрительный говоръ. Представленіе началось.

Ливрейный персоналъ цирка не успѣлъ вытянуться, по обыкновенію, въ два ряда, какъ уже со стороны конюшенъ послышался пронзительный пискъ и хохотъ, и цѣлая ватага клоуновъ, кувыркаясь, падая на руки и взлетая на воздухъ, выбѣжала на арену.

Впереди всѣхъ былъ клоунъ съ большими бабочками на груди и на спинѣ камзола. Зрители узнали въ немъ тотчасъ же любимца Эдвардса.

— Bravo, Эдвардсъ! Bravo! Bravo! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но Эдвардсъ на этотъ разъ обманулъ ожиданія. Онъ не сдѣлалъ никакой особенной штуки; кувыркнувшись разъ-другой черезъ голову и пройдясь вокругъ арены, балансируя павлинымъ перомъ на носу, онъ быстро скрылся. Сколько потомъ ему ни хлопали и ни вызывали его, онъ не являлся.

— Когда же будетъ гуттаперчевый мальчикъ? — не переставали спрашивать дѣти каждый разъ, какъ одинъ выходъ смѣнялъ другой. — Когда же онъ будетъ?..

— А вотъ, сейчасъ...

И дѣйствительно. Подъ звуки веселаго вальса портьера раздвинулась, и показалась рослая фигура акробата Беккера, державшаго за руку худенькаго бѣлокурого мальчика.

Оба были обтянуты въ трико тѣлеснаго цвѣта, обсыпанное блестками. За ними два прислужника вынесли длинный золоченый шестъ, съ желѣзнымъ перехватомъ на одномъ концѣ.

Выйдя на средину арены, Беккеръ и мальчикъ раскланялись на всѣ стороны, послѣ чего Беккеръ приставилъ правую руку къ спинѣ мальчика и перекувырнулъ

его три раза въ воздухѣ. Но это было, такъ сказать, только вступленіе.

Раскланявшись вторично, Беккеръ поднялъ шесть, поставилъ его перпендикулярно, укрѣпилъ толстый его конецъ къ золотому поясу, обхватывавшему животъ, и началъ приводить въ равновѣсіе другой конецъ съ желѣзнымъ перехватомъ, едва мелькавшимъ подъ куполомъ цирка.

Приведя такимъ образомъ шесть въ должное равновѣсіе, акробатъ шепнулъ нѣсколько словъ мальчику, который взлѣзъ ему сначала на плечи, потомъ обхватилъ шесть тонкими руками и ногами и сталъ постепенно подниматься вверхъ.

Громкое браво раздалось въ залѣ, когда мальчикъ достигъ, наконецъ, верхушки шеста и послалъ оттуда поцѣлуй. Снова все смолкло, кромѣ оркестра, продолжавшаго играть вальсъ.

Шесть колебался изъ стороны въ сторону, и видно было, какихъ трудовъ стоило Беккеру продолжать держать его въ равновѣсіи.

— Браво!.. браво!!.—раздалось снова въ залѣ.

— Довольно!.. довольно!!.— послышалось въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

Но крики и аплодисменты наполнили весь циркъ, когда мальчикъ снова появился сидящимъ на перекладинѣ и послалъ оттуда поцѣлуй.

Беккеръ, не спускавшій глазъ съ мальчика, шепнулъ снова что-то. Мальчикъ немедленно перешелъ къ другому упражненію. Придерживаясь на рукахъ, онъ началъ осторожно спускать ноги и лечь на спину. Теперь предстояла самая трудная штука: слѣдовало сначала лечь на спину, уладиться на перекладинѣ такимъ образомъ, чтобы привести ноги въ равновѣсіе съ головою, и потомъ вдругъ, неожиданно сползти на спинѣ назадъ и повиснуть въ воздухѣ, придерживаясь только на подколѣнкахъ.

Все шло, однако жъ, благополучно. Шесть, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчикъ былъ уже

на половинѣ дороги; онъ замѣтно перегибался все ниже и ниже и начиналъ скользить по спинѣ.

— Довольно! довольно! не надо! — настойчиво прокричало нѣсколько голосовъ.

Мальчикъ продолжалъ скользить по спинѣ и тихо спускался внизъ головою... Внезапно что-то сверкнуло и завертѣлось, сверкая въ воздухѣ; въ ту же секунду послышался глухой звукъ чего-то упавшаго на арену. Въ одинъ мигъ все заволновалось въ залѣ. Часть публики поднялась съ мѣста и зашумѣла; раздались крики и женскій визгъ; слышались голоса, раздраженно призывавшіе доктора.

На слѣдующее утро афишка цирка не возвѣщала упражненій „гуттаперчеваго мальчика“. Имя его и потому не упоминалось; да и нельзя было: гуттаперчеваго мальчика уже не было на свѣтѣ.

Григоровичъ.

М а т ь.

„Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ, Все ему неловко! Лягъ на плечико ко мнѣ. Прислонись головкой! Я съ тобою похожу... Подремли, мой мальчикъ! Хочешь, сказочку скажу? <i>Жилъ - былъ мальчикъ съ пальчикъ...</i> Нѣтъ! Не хочешь?.. сказ- ки — вздоръ! Пѣсня лучше будетъ... <i>Зашумѣлъ сыр-теменъ боръ, Лисъ лисичку бубитъ; Во сыр-теменъ бору... Задремалъ мой крошка!... ...Я малинки наберу Полное лукошко...</i>	<i>Во сыр-теменъ бору...</i> Тише! засыпаетъ... Словно птенчикъ, все въ жару Губки открываетъ... <i>„Во сыр-теменъ бору“</i> поетъ Мать и ходитъ, ходитъ... Тихо, долго ночь идетъ... Ночь ужъ день выводитъ — Мать поетъ, рука у ней Затекла, устала, И не разъ слезу съ очей Бѣдная роняла... Вздрогнетъ, встрепенется — <i>„Во теменъ-сыр-теменъ бору“</i> Снова раздается... Отклони ударъ, уйди, Смерть съ своей косою!
--	--

Мать дитя съ своей груди   Что затеплень ею!
Не отдасть безъ бою!   И едва онъ засвѣтилъ, —
Заслонить, средь всѣхъ тре-   Вдругъ ей ясно стало,
вогъ,   Что любви, что чудныхъ
Всей душой своею,   силъ
Жизни чудный огонекъ,   Сердце въ ней скрывало!..

Майковъ.

Р у с с и.

Предлинной хворостиной

Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;

И, правду истинну сказать,

Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный:

На барыши свѣшилъ къ базарному онъ дню

(А гдѣ до прибыли коснется,

Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).

Я мужика и не виню;

Но гуси иначе объ этомъ толковали

И, встрѣтятся съ прохожимъ на пути,

Вотъ какъ на мужика пеняли:

„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?

Мужикъ такъ нами помыкаеть,

И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняеть;

А этого не смыслить неучъ сей,

Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;

Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,

Которымъ нѣкогда быть долженъ Римъ спасеньемъ;

Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“

— А вы хотите быть за что отличены? —

Спросилъ прохожій ихъ. „Да наши предки...“ — Знаю,

И все читалъ; но вѣдать я желаю,

Вы сколько пользы принесли? —

„Да наши предки Римъ спасли!“

— Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —

„Мы? Ничего!“ — Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?

Оставьте предковъ вы въ покое:

Имъ подѣломъ была и честь;

А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздражить.

Крыловъ.

Джонъ Говардъ.

Джонъ Говардъ родился въ 1725 году въ Англіи, недалеко отъ Лондона. Отецъ Говарда былъ купцомъ и велъ торговлю обойнымъ товаромъ; мать его умерла очень рано, и ребенокъ, болѣзненный и слабый, провелъ печальное, одинокое дѣтство. Когда мальчикъ подросъ, его отдали въ школу, гдѣ онъ пробылъ 9 лѣтъ. Отецъ хотѣлъ сдѣлать сына своимъ преемникомъ въ торговыхъ дѣлахъ и потому не придавалъ большого значенія его образованію; недолго продержалъ онъ его въ другой высшей школѣ, и въ 15 лѣтъ Джонъ уже поступилъ въ магазинъ, чтобы присмотрѣться къ торговлѣ. Занятіе торговлей не привлекало юношу, но онъ не хотѣлъ противиться волѣ отца. Скоро, однако, обстоятельства перемѣнились: отецъ умеръ, оставивъ сыну большое наслѣдство. 17-лѣтній Говардъ сдѣлался богатымъ и независимымъ человѣкомъ. Торговлю онъ оставилъ и поѣхалъ путешествовать. Во время путешествія онъ старался пополнить свое недостаточное образованіе, читалъ, учился, осматривалъ музеи. Здоровье его съ самаго дѣтства было очень слабое, онъ постоянно хворалъ. Это долго мѣшало ему заниматься какимъ-нибудь дѣломъ. Однажды онъ захворалъ очень опасно и нѣсколько недѣль былъ между жизнью и смертію. Его квартирная хозяйка, пожилая 52-лѣтняя женщина ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ; только этотъ уходъ и спасъ больного. Говардъ выздоровѣлъ и, желая отблагодарить хозяйку за ея заботы, женился на ней, хотя былъ вдвое моложе ея. Вступая въ такой неравный бракъ, Говардъ совершенно не думалъ о томъ, что не можетъ быть счастливъ самъ, онъ не думалъ о себѣ: ему казалось, что онъ долженъ заплатить долгъ женщинѣ, которая спасла его отъ смерти. Жена его прожила, впрочемъ, недолго, и онъ опять остался одинъ, не зная, куда приложить ту жа-

жду подвига, которая жила въ его душѣ. Ему хотѣлось отдать свои силы какому-нибудь хорошему дѣлу; ему хотѣлось помогать людямъ, служить имъ, но онъ не зналъ, на чемъ остановиться.

Въ это время въ Португаліи случилось страшное землетрясеніе: было разрушено нѣсколько городовъ, и тысячи людей остались безъ крова. Говарда потянуло на мѣсто этого ужаснаго происшествія; онъ надѣялся помочь несчастнымъ. Онъ сѣлъ на корабль, который долженъ былъ привезти его въ Португалію; но доѣхать до мѣста ему не пришлось. Въ это время шла война между государствами Европы, и англійскія суда задерживались французами. Такъ было и съ кораблемъ, на которомъ ѣхалъ Говардъ: его захватили въ плѣнъ, а всѣхъ пассажировъ заключили въ тюрьму. Шесть дней пришлось Говарду провести въ сырой, мрачной тюрьмѣ, спать на соломѣ, испытать и голодъ, и холодъ. Черезъ нѣсколько времени плѣнниковъ выпустили; Говардъ вернулся на родину. Но это тюремное заключеніе имѣло огромное вліяніе на его дальнѣйшую жизнь. Мысль о несчастныхъ заключенныхъ, которые томятся въ сырыхъ и темныхъ тюрьмахъ, неотступно преслѣдовала его и не давала ему покоя.

Вернувшись на родину, Говардъ женился во второй разъ и нѣсколько лѣтъ прожилъ въ своемъ помѣстьѣ около Лондона. Здѣсь онъ занялся устройствомъ быта крестьянъ, которые арендовали у него землю. Онъ выстроилъ имъ хорошія и прочныя жилища, завелъ школу для дѣтей; вмѣстѣ съ женой онъ ревностно помогалъ всѣмъ, кто нуждался въ его помощи или совѣтѣ. Послѣ 7-лѣтней согласной жизни, жена его умерла, оставивъ ему маленькаго сына. Велико было горе Говарда, но онъ не поддавался отчаянію. Глубоко религіозный съ дѣтства онъ послѣ этого испытанія дѣлается еще строже къ себѣ: онъ изгоняетъ изъ своей жизни всякія радости, отвергаетъ всѣ удовольствія и даетъ обѣщаніе отдать всего себя ближнимъ, по завѣту Христа. Въ это время ему предложили почетное мѣсто. Въ числѣ его обязанностей было завѣдываніе тюрьмами. Такимъ образомъ, Говардъ сталъ близко къ тому дѣлу, которое его давно интересовало.

Говардъ сталъ постояннымъ посѣтителемъ тюремъ: онъ вникалъ въ тюремный бытъ, осматривалъ помѣщенія, бесѣдовалъ съ преступниками. Тогдашнія тюрьмы въ Англіи (это было болѣе 100 лѣтъ тому назадъ) представляли нѣчто ужасное. О преступникѣ никто не думалъ, всѣ точно забывали, что это живой человѣкъ, и никому не было дѣла до того, какъ онъ себя чувствуетъ въ своемъ заключеніи. Осматривая тюрьмы, Говардъ воочію убѣдился, что положеніе заключенныхъ ужасно. Они помѣщались въ темныхъ, сырыхъ, грязныхъ и душныхъ камерахъ; пища была и плохая, и недостаточная; больные не отдѣлялись отъ здоровыхъ, потому что больницъ не было; мужчины и женщины содержались вмѣстѣ; закоренѣлые преступники помѣщались вмѣстѣ съ новичками. Въ тюрьмѣ были въ ходу жестокія наказанія; обращеніе съ заключенными было самое безчеловѣчное. Работы имъ никакой не давали, и многіе сходили съ ума отъ бездѣйствія. Болѣзни развивались страшно; смертность была огромная. Кромѣ того, существовалъ обычай не платить жалованья смотрителямъ тюремъ, и они, чтобы прокормиться, выколачивали деньги у заключенныхъ. Такіе ужасные порядки Говардъ нашелъ во всѣхъ тюрьмахъ Англіи. Съ этихъ поръ онъ ставитъ цѣлью своей жизни добиться улучшенія тюремнаго быта. Все его время проходитъ въ осмотрахъ тюремъ. Онъ объѣхалъ всю Англію, затѣмъ отправился на материкъ, посѣтилъ тюрьмы во Франціи, Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Россіи. Десятки тысячъ верстъ проѣздитъ онъ по Европѣ, забывая объ отдыхѣ, не щадя здоровья и силъ. Вездѣ онъ самымъ внимательнымъ образомъ осматривалъ помѣщенія, безстрашно входилъ въ самыя зараженные и грязныя камеры, отбиралъ нужныя ему свѣдѣнія, записывалъ цифры. Все время его уходило на это дѣло. Когда однажды въ Петербургѣ его пригласили во дворецъ къ императрицѣ Екатеринѣ, онъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ осматривать тюрьмы, а не дворцы“.

Зато по тюремнымъ дѣламъ не было лучшаго знатока, чѣмъ Говардъ. Его книга о состояніи тюремъ въ Англіи произвела сильное впечатлѣніе на читателей и

заставила общество задуматься надъ положеніемъ заключенныхъ. Къ нему стали обращаться за совѣтами по тюремному дѣлу, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ въ пользу заключенныхъ. Прямой и правдивый онъ всегда высказывалъ свои мысли, не таясь. Однажды на придворномъ обѣдѣ стали хвалить австрійскаго императора, отмѣниваго пытку. Тогда Говардъ напомнилъ, что тюрьма, грязная, темная и сырая, хуже пытки, и еще неизвѣстно, что легче—умереть сразу подъ пыткой или томиться въ такой тюрьмѣ цѣлую жизнь. Говарду шепнули, чтобы онъ былъ осторожнѣе, что императоръ можетъ узнать объ его словахъ, но онъ отвѣчалъ: „Я всегда говорю правду, о комъ бы ни шла рѣчь, о королѣ или императорѣ“.

Книги Говарда, собранныя имъ наблюденія и его личныя сообщенія о тюрьмахъ имѣли послѣдствія: тюремное дѣло стало улучшаться. Въ Лондонѣ начали строить для тюремъ большія, свѣтлыя помѣщенія, смотрителямъ назначили жалованье, начали открывать тюремныя больницы, арестантамъ давать работу. Все это глубоко радовало Говарда; но неутомимый труженикъ не складывалъ рукъ, не считая свое дѣло конченнымъ. Ни усталость, ни нездоровье, ни надвигавшаяся старость не останавливали его; въ свои 63 года онъ такъ же ревностно служилъ своему дѣлу, какъ и въ молодости.

Смерть застала его далеко отъ родины, въ русскомъ городѣ Херсонѣ, куда онъ поѣхалъ, чтобы изучить бытъ русскаго солдата. Въ это время шла война съ турками, и въ войскахъ была сильная эпидемія тифа. Старикъ Говардъ, знавшій немного медицину, заразился, ухаживая за больной дѣвушкой, и скончался 64 лѣтъ отъ роду. На его могилѣ въ Херсонѣ стоитъ памятникъ; другой памятникъ поставленъ ему въ Лондонѣ. Но лучшимъ памятникомъ великаго человѣка служатъ тѣ улучшения въ тюремномъ дѣлѣ, которыхъ онъ добился своей неутомимой дѣятельностью.

П р е с т у п н и к ъ.

(Изъ Виктора Гюю).

Въ судѣ онъ слушалъ при-	Никто изъ нихъ не пора-
говоръ:	женъ.
Его галеры ожидали.	Примѣръ не новъ, да и на-
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ	прасно
онъ воръ...	Жалѣть, — неумолимъ за-
Недѣлю дѣти голодали,	конъ!
И, нищетой удручена,	Лишь одному людское горе
Глядѣла въ гробъ его жена;	Доступно было въ этотъ
Труды, заботы, огорченья,	мигъ,
Знать, не по силамъ были	Любовь въ одномъ свѣти-
ей.	лась взоръ:
И поддался онъ искушенью:	Глядѣлъ — и кротокъ, и ве-
Укралъ на хлѣбъ семьѣ	ликъ,
своей.	Среди безмолвной тиши-
И осужденіе безстрастно	ны —
Прочелъ ему синаedrionъ.	Христосъ распятый со стѣ-
Казалось, нищетой ужасной	ны.

Плещеевъ.

П ѣ в е ц ъ.

(Изъ повѣсти «Люцернъ» Л. Толстого).

Я, глядя только себѣ подъ ноги, шелъ по набережной къ гостиницѣ, какъ вдругъ меня поразили звуки странной, но чрезвычайно пріятной и милой музыки. Эти звуки мгновенно живительно подѣйствовали на меня. Какъ будто яркій, веселый свѣтъ проникъ въ мою душу. Мнѣ стало хорошо, весело. Заслужившее вниманіе мое снова устремилось на всѣ окружающіе предметы. И красота ночи и озера, къ которымъ я прежде былъ равнодушенъ, вдругъ, какъ новость, отрадно поразили меня. Я невольно въ одно мгновеніе успѣлъ замѣтить и пасмурное сѣрыми кусками на темной синевѣ небо, освѣщенное поднимающимся мѣсяцемъ, и темнозеленое гладкое озеро, съ отражающимися въ немъ огоньками, и

вдали мглистыя горы, и крики лягушекъ, и росистый свѣжій свистъ перепеловъ съ того берега. Прямо же передо мной, съ того мѣста, съ котораго слышались звуки и на которое преимущественно было устремлено мое вниманіе, я увидалъ въ полумракѣ на срединѣ улицы полукругомъ стѣснившуюся толпу народа, а передъ толпой, въ нѣкоторомъ разстояніи, крошечнаго человечка въ черной одеждѣ. Сзади толпы и человечка, на темномъ, сѣромъ и синемъ разорванномъ небѣ, стройно отдѣлялось нѣсколько черныхъ раинъ сада и величаво возвышались по обѣимъ сторонамъ стариннаго собора два строгіе шпица башенъ.

Я подходилъ ближе, звуки становились яснѣе. Я разбиралъ ясно дальніе, сладко колеблющіеся въ вечернемъ воздухѣ полные аккорды гитары и нѣсколько голосовъ, которые, перебивая другъ друга, казались то близки, то далеки. Я не могъ понять, что это такое; но это было прекрасно. Эти сладострастные, слабые аккорды гитары, эта милая, легкая мелодія, и эта одинокая фигурка чернаго человечка, среди фантастической обстановки темнаго озера, просвѣчивающей луны и молчаливо возвышающихся двухъ громаднхъ шпицовъ башенъ и черныхъ раинъ сада — все было странно, но невыразимо прекрасно.

Я подошелъ ближе. Маленькій человечекъ былъ, какъ казалось, странствующій тиролецъ. Онъ стоялъ передъ окнами гостиницы, выставивъ ножку, закинувъ кверху голову, и, бренча на гитарѣ, пѣлъ на разные голоса свою граціозную пѣсню. Пѣвецъ, сколько я могъ разсмотрѣть, былъ одѣтъ въ старенькій черный сюртукъ; волоса у него были черные, короткіе, и на головѣ была самая мѣщанская, простая, старенькая фуражка. Въ одеждѣ его ничего не было артистическаго, но лихая, дѣтски веселая поза и движенія, съ его крошечнымъ ростомъ, составляли трогательное и вмѣстѣ забавное зрѣлище. Въ подъѣздѣ, окнахъ и балконахъ великолѣпно освѣщенной гостиницы стояли блестящія нарядными барыни, господа съ бѣлѣйшими воротниками, швейцаръ и лакей въ золото-шитыхъ ливреяхъ; на ули-

цѣ, въ полукругѣ толпы и дальше по бульвару, между липками, собрались и остановились изящно одѣтые кельнеры, повара въ бѣлѣйшихъ колпакахъ и курткахъ, обнявшіеся дѣвцы и гуляющіе. Всѣ, казалось, испытывали то же самое чувство, которое испытывалъ и я. Всѣ молча стояли вокругъ пѣвца и внимательно слушали. Все было тихо, только въ промежуткахъ пѣсни, гдѣ-то вдалекѣ, равномерно по водѣ, долеталъ звукъ молота и разсыпчатою трелью неслись голоса лягушекъ, перебиваемые влажнымъ однозвучнымъ свистомъ перепеловъ.

Маленькій человѣчекъ, въ темнотѣ, среди улицы, заливался, какъ соловей, куплетъ за куплетомъ и пѣсня за пѣсней. Несмотря на то, что я подошелъ вплоть къ нему, его пѣнье продолжало доставлять мнѣ большое удовольствіе. Небольшой голосъ его былъ чрезвычайно приятенъ, нѣжность же, вкусъ и чувство мѣры, съ которыми онъ владѣлъ этимъ голосомъ, были необыкновенны и показывали въ немъ огромное природное дарованіе. Припѣвъ каждаго куплета онъ всякій разъ пѣлъ различно, и видно было, что всѣ эти граціозныя измѣненія свободно, мгновенно приходили ему.

Въ толпѣ, и наверху, и внизу на бульварѣ слышался часто одобрителный шопотъ, и царствовало почти полное молчаніе. На балконахъ и въ окнахъ все болѣе и болѣе прибавлялось нарядныхъ, живописно въ свѣтѣ огней дома облокотившихся, мужчинъ и женщинъ. Гуляющіе останавливались, и въ тѣни на набережной повсюду кучками около липокъ стояли, мужчины и женщины. Около меня, куря сигары, стояли, нѣсколько отдѣлившись отъ всей толпы, аристократическіе лакеи и поварь. Поварь сильно чувствовалъ прелесть музыки и при каждой высокой нотѣ, восторженно-недоумѣвающе подмигивалъ всею головою лакею и толкалъ его локтемъ, съ выраженіемъ, говорившимъ: „каково поетъ? а?“ Лакей, по распутившейся улыбкѣ котораго я замѣчалъ все имъ испытываемое удовольствіе, на толчки повара отвѣчалъ пожиманіемъ плечъ, показывавшимъ, что его удивить довольно трудно и что онъ слышалъ многое лучшее этого.

Въ промежуткѣ пѣсни, когда пѣвецъ прокашливался, я спросилъ у лакея, кто онъ такой и часто ли сюда приходитъ.

— Да въ лѣто раза два приходитъ, — отвѣчалъ лакей, — онъ изъ Арговіи. Такъ нищенствуетъ.

— А что, много ихъ такихъ ходитъ? — спросилъ я.

— Да, да, — отвѣчалъ лакей, не понявъ сразу того, о чемъ я спрашивалъ, но, разобравъ ужъ потомъ мой вопросъ, прибавилъ: — О нѣтъ! Здѣсь я только одного его видаю. Больше нѣту.

Въ это время маленькій человѣчекъ кончилъ первую пѣсню, бойко перевернулъ гитару и сказалъ что-то про себя на своемъ нѣмецкомъ нарѣчьи, чего я не могъ понять, но что произвело хохотъ въ окружающей толпѣ.

— Что это онъ говорить? — спросилъ я.

— Говорить, что горло пересохло, выпилъ бы вина, — перевелъ мнѣ лакей, стоявшій подлѣ меня.

— А что, онъ, вѣрно, любить пить?

— Да это всѣ люди такіе! — отвѣчалъ лакей, улыбувшійся и махнувъ на него рукою.

Пѣвецъ снялъ фуражку и, размахнувъ гитарой, приблизился къ дому. Закинувъ голову, онъ обратился къ господамъ, стоявшимъ у оконъ и на балконахъ: „Господа! — сказалъ онъ полуиталіанскимъ, полунѣмецкимъ акцентомъ и съ тѣми интонаціями, съ которыми фокусники обращаются къ публикѣ. — Если вы думаете, что я что-нибудь зарабатываю, вы ошибаетесь: я совершенный бѣднякъ“. Онъ остановился, помолчалъ немного; но такъ какъ никто ему ничего не далъ, онъ снова вскинулъ гитару и сказалъ: „Ну, господа, я вамъ еще спою!“ Наверху публика молчала, но продолжала стоять въ ожиданіи слѣдующей пѣсни; внизу въ толпѣ засмѣялись, должно-быть, тому, что ему ничего не дали. Я далъ ему нѣсколько сантимовъ; онъ ловко перекинулъ ихъ изъ руки въ руку, засунулъ въ карманъ жилета и, надѣвъ фуражку, снова началъ пѣть граціозную, милую тирольскую пѣсенку. Эта пѣсня, которую онъ оставлялъ для заключенія, была еще лучше всѣхъ прежнихъ, и со

всѣхъ сторонѣ въ увеличившейся толпѣ слышались звуки одобренія. Онъ кончилъ. Снова онъ размахнулъ гитарой, снялъ фуражку, выставилъ ее впередъ себя, на два шага приблизился къ окнамъ и снова сказалъ свою фразу: „Господа! если вы думаете, что я что-нибудь зарабатываю“, которую онъ, видно, считалъ ловкою и остроумною; но въ голосѣ и въ движеніяхъ его я замѣтилъ теперь нѣкоторую нерѣшительность и дѣтскую робость, которыя были особенно поразительны съ его маленькимъ ростомъ. Элегантная публика все такъ же живописно въ свѣтѣ огней стояла на балконахъ и въ окнахъ, блестя богатыми одеждами; нѣкоторые умѣренно приличнымъ голосомъ разговаривали между собою, очевидно, про пѣвца, который съ вытянутой рукою стоялъ передъ ними; другіе внимательно, съ любопытствомъ смотрѣли внизъ на эту маленькую черную фигурку; на одномъ балконѣ послышался звучный и веселый смѣхъ молодой дѣвушки. Въ толпѣ внизу громче и громче слышался говоръ и посмѣиваніе. Пѣвецъ въ третій разъ повторилъ свою фразу, но еще слабѣйшимъ голосомъ, и даже не закончилъ ея, и снова вытянулъ руку съ фуражкой, но тогда же и опустилъ ее. И во второй разъ изъ этой сотни блестяще одѣтыхъ людей, столпившихся слушать его, ни одинъ не бросилъ ему копейки. Толпа безжалостно захохотала. Маленькій пѣвецъ, какъ мнѣ показалось, сдѣлался еще меньше, взявъ въ другую руку гитару, поднявъ надъ головой фуражку и сказалъ: „Благодарю васъ, господа; спокойной ночи!“ — и надѣлъ фуражку. Толпа загоготала отъ радостнаго смѣха. Съ балконовъ стали понемногу скрываясь красивые мужчины и дамы, спокойно разговаривая между собою. На бульварѣ снова возобновилось гулянье. Молчаливая во время пѣнія улица снова оживилась; нѣсколько человѣкъ только, не подходя къ нему, смотрѣли издалика на пѣвца и смѣялись. Я слышалъ, какъ маленький человѣкъ что-то проговорилъ себѣ подъ носъ, повернулся и, какъ будто сдѣлавшись еще меньше, скорыми шагами пошелъ къ городу. Веселые гуляки, смотрѣвшіе на него, все такъ же, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовали за нимъ и смѣялись...

Я совсѣмъ растерялся, не понималъ, что это все значить, и, стоя на одномъ мѣстѣ, безсмысленно смотрѣлъ въ темноту, на удалявшагося крошечнаго чело-вѣка, который, растягивая большіе шаги, быстро шелъ къ городу, и на смѣющихся гулякъ, которые слѣдовали за нимъ. Мнѣ сдѣлалось больно, горько и, главное, стыдно за маленькаго чело-вѣка, за толпу, за себя, какъ будто бы я просилъ денегъ, мнѣ ничего не дали и надо мною смѣялись. Я, тоже не оглядываясь, съ заце-мленнымъ сердцемъ, скорыми шагами пошелъ къ себѣ домой на крыльцо гостиницы. Я не отдавалъ еще себѣ отчета въ томъ, что испытывалъ; только что-то тяжелое, не-разрѣшившееся наполняло мнѣ душу и давило меня.

В ъ б о л ь н и ц ѣ.

Случай недавно ужасный тутъ былъ:

Пасторъ какой-то нѣмецкій

Къ сыну пріѣхалъ — и долго ходилъ...

„Вы поищите въ мертвецкой“, —

Сторожъ ему равнодушно сказалъ.

Бѣдный старикъ пошатнулся,

Въ страшномъ испугѣ туда побѣжалъ

Да, говорятъ, и рехнулся!

Слезы ручьями текутъ по лицу,

Онъ между трупами бродить:

Молча заглянетъ въ лицо мертвецу,

Молча къ другому подходить...

Впрочемъ, не вѣчно чужою рукой

Здѣсь закрываются очи.

Помню: съ прошибленной въ кровь головой

Къ намъ привели среди ночи

Старога вора: въ острогъ его

Буйный товарищъ изранилъ.

Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,

Только грозилъ и буянилъ.

Наша сидѣлка къ нему подошла,

Вздрогнула вдругъ — и ни слова...

Въ странномъ молчаньѣ минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другого!
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ — передъ первой своей
Свѣтлой и честной любовью.
(Смолоду знали другъ друга они)...
Круто старикъ измѣнился;
Плачетъ да молится цѣлые дни,
Передъ врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Часъ его смерти былъ страненъ
(Помню я эту печальную ночь):
Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: „Живи,
Милый, желанный, сердечный!“
Все, что имѣла она, продала —
Съ честью его схоронила.
Бѣдная! какъ она мало жила!
Какъ она много любила!
А что любовь ей дала, кромѣ бѣды,
Кромѣ печали и муки?
Смолоду — стыдъ, а на старости лѣтъ —
Ужасъ послѣдней разлуки!..

Некрасовъ.

Старый звонарь.

Стемнѣло.

Надъ черною, зубчатою линіею густого лѣса стояла полная луна; стояла, но не свѣтила... Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонувшее въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія ночи, когда луна задумчиво стоитъ надъ горизонтомъ, задернутая дымкой; туманъ, подымаясь съ земли, сгущается длинными тѣни лѣсовъ и застилается

открытыя пространства серебристо-лазурнымъ сумракомъ... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцають огни; изрѣдка скрипнуть ворота, залаяетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо-шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшихъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телега. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая, высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михеичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухѣ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ...

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видать глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ, привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перилы. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, неся къ Михеичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взойдется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ

готовъ; а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава Те, Господи!“ шепчутъ старческія уста привычную формулу, и Михеичъ смотритъ вверхъ, на горящее миллионами огней звѣздное небо, и крестится...

— Михеичъ, а Михеичъ! — зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій голосъ.

Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михеича.

— Что тебѣ? Здѣсь я! — отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрять на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный „Возъ“ поднялся уже высоко... Михеичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь...

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и блескъ невидной во мракъ рѣчки, — все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ тяткой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно... и какъ недавно!.. Онъ видитъ себя бѣлокурымъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ, — но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями, — развѣваетъ его волосенки... Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такой громадной, почти безграничной...

— Анъ, вотъ она, вся тутъ! — улыбнулся съдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ, вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала

и до самой вонъ той могилки, что облюбоваль онъ себѣ въ углу кладбища... И что-жъ, слава Те, Господи!— пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля— ему мать... Скоро, ужъ скоро!..

Однако, пора! Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михеичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкого удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михеичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему, притомъ же, онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ? Онъ самъ едва ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“ думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойный отецъ Наумъ, „возглашаетъ“ дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосыя отъ вѣтру, нагибаются и вновь поднимаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтушій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастье, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастье?.. Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ

закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, работа... Гдѣ оно, это счастье? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научитъ вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склоняя голову, стоитъ его „молодица“. Добрая была баба, царствіе небесное! И много же приняла муки, сердечная... Нужда да работа, да неисходное бабѣ горе изсушатъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнить величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастье?.. Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый ворогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣна и стучаетъ... И кипитъ — разгорается у Михеича сердце, а темные лики сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него — эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ васъ суди, Богъ суди!“ шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михеичъ, а Михеичъ! Что-жъ ты, али заснулъ? — кричатъ ему снизу.

— Ась? — откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги. — Господи! Неужто и вправду заснулъ? Не было еще экого сраму!..

И Михеичъ быстро, привычною рукою, хватаетъ веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчею... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, и до Михеича доносится радостный кличъ: „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михеичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заводнова-

лась толпа, и забились хоругви, и проснувшийся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницею, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились и вновь припадали къ землѣ съ любовною ласкою...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христосъ воскрес!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христосъ воскрес!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христосъ воскрес!“

И, казалось, старая колокольная дрожить и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторить: „Христосъ воскрес!“

И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ какъ старый пенъ, разбитый злою непогодю... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михеичъ...

Но вдругъ большой колоколъ неувѣренно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли неоконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально гудящую долгую ноту, которая дрожить и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухъ... Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

Короленко.

М о л и т в а.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Лермонтовъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко — малорусскій поэтъ.
(1814—1861).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, знаменитый малорусскій поэтъ, родился въ 1814 году въ маленькой деревушкѣ Кіевской губерніи. Отецъ поэта былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ, жилъ бѣдно и вмѣстѣ съ женой ходилъ на барщинную работу. „Вотъ стоитъ передо мной,—вспоминалъ потомъ Шевченко свое дѣтство,— наша бѣдная старая хата съ потемнѣвшей соломенной крышей, около хаты—яблоня, а вокругъ яблони—цвѣтникъ; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба

съ засохшей верхушкой, а по косогору тянется садъ... Ходилъ я тогда въ сѣренькой дырявой свиткѣ и въ вѣчно грязной рубашкѣ, а о шапкѣ и сапогахъ и помину не было ни зимой, ни лѣтомъ“. Семья была большая: отецъ съ матерью, старый дѣдъ и шестеро дѣтей. Отъ стараго дѣда, бывшаго казака, ребенокъ наслушался не мало разсказовъ и пѣсень про родную Украину, про тѣ далекія времена, когда старикъ былъ еще въ силѣ и воевалъ за родину съ ея врагами... Любилъ мальчикъ слушать дѣда, да и хорошо же разсказывалъ старый. „Слово за словомъ у него сміялось, лилось, а столѣтнія очи, якъ зори сіяли“, такъ вспоминалъ потомъ Тарасъ. Полюбилъ мальчикъ съ самаго дѣтства родную Украину: полюбилъ онъ привольную, широкую степь и цѣлыми днями, бывало, бродить по ней да вспоминаетъ дѣдовы разсказы. Вотъ могила — курганъ. Кто сложилъ здѣсь свои кости? Можетъ, бились здѣсь казаки за вѣру свою, за родину? А что тамъ дальше — за той горой? Не конецъ ли свѣта, не тамъ ли желѣзные столбы, что, сказываютъ, подпираютъ небо? — такъ думаетъ про себя ребенокъ...

Т. Г. Шевченко.

Тарасу было 8 лѣтъ, когда умерла его мать. Отецъ женился второй разъ; плохое тогда житье настало для дѣтей. Мачиха была женщина сварливая и злая: брань и побои такъ и сыпались на бѣдныхъ ребятъ; рѣдкій день обходился безъ розги. Сталъ Тарасъ ходить въ школу; грамотѣ онъ научился скоро и сталъ хорошимъ

чтецомъ: въ деревнѣ его часто звали читать надъ покойниками. Но учитель его, дьячокъ, училъ не только указкой, но и колотушками: онъ нещадно билъ учениковъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Не выдержалъ Тарасъ такой жизни, убѣжалъ изъ школы и долго скитался изъ деревни въ деревню; домой возвращаться тоже не хотѣлось: отецъ въ это время уже умеръ, а съ мачихой житье было несладкое. Увидаль разъ мальчикъ въ одномъ селѣ работу маляровъ-иконописцевъ; захотѣлось ему заняться этимъ дѣломъ: еще въ школѣ онъ пробовалъ рисовать и кое-что у него выходило. Одинъ маляръ согласился было взять Тараса въ ученье, но надо было просить на это разрѣшеніе у помѣщика: Тарасъ былъ крѣпостнымъ. Пошелъ онъ къ управляющему помѣщика, сталъ просить, чтобы ему позволили учиться живописи; ему въ это время было уже 16 лѣтъ. Управляющему понравился бойкій юноша; онъ рѣшилъ оставить его въ дворнѣ для услугъ. Горько было Тарасу сидѣть цѣлыми днями въ передней у барина или бѣгать на посылахъ. Зато, чуть случится свободная минута, заберется онъ куда-нибудь подальше въ садъ и тамъ или поетъ украдкой свои любимыя пѣсни, или рисуетъ на клочкѣ бумаги все, что приходится въ голову. Скоро помѣщикъ переѣхалъ въ городъ; туда же перевезли и дворню. Тарасъ былъ приставленъ къ барину въ „казачки“ и ѣздилъ съ нимъ изъ города въ городъ. Житье было несладкое; попадало Тарасу и за его страсть къ живописи. Разъ баринъ засталъ его ночью за рисованьемъ, — разбранилъ рисовальщика и велѣлъ больно наказать его.

Однако, баринъ увидаль, что у мальчика есть способности къ живописи, и отдалъ его въ ученье къ одному петербургскому маляру. Маляръ былъ плохимъ учителемъ и заставлялъ своего ученика красить заборы, рамы, да еще и держалъ его впроголодь. Но Шевченко учился самъ. По праздникамъ уходилъ онъ въ картинную галлерею, любовался тамъ картинами; въ свѣтлыя, лѣтнія ночи, тайкомъ отъ учителя, убѣгалъ въ Лѣтній садъ и тамъ рисовалъ статуи. Въ лѣтнемъ саду однажды

увидаль его молодой художникъ Сошенко. Его удивила фигура юноши, плохо одѣтаго, босого и безъ шапки, такъ усердно рисующаго ночью, въ пустомъ саду. Онъ заговорилъ съ нимъ, похвалилъ его рисунокъ, обласкалъ его и пригласилъ къ себѣ. Никогда еще не видаль Шевченко такого участія, такой ласки, какую встрѣтилъ у своего новаго друга. Сошенко познакомилъ его съ художниками, и всѣ они отнеслись къ юношѣ тепло и сердечно. Шевченко точно ожилъ; куда дѣвалась его угрюмость, замкнутость. Онъ сталъ доверчивъ, веселъ, началъ много рисовать, сталъ по совѣту друзей больше читать, чтобы пополнить свое жалкое образованіе. Друзья-художники приняли въ немъ искреннее участіе; они находили въ немъ большой талантъ къ живописи и хотѣли, чтобы онъ поступилъ въ высшее училище живописи — академію художествъ. Но туда не принимали крѣпостныхъ. Тогда друзья его, а также поэтъ Жуковский, которому его представили, стали хлопотать о томъ, чтобы выкупить его на свободу. Собрали денегъ, долго торговались съ помѣщикомъ, который запросилъ за своего крѣпостного слугу неслыханную цѣну; наконецъ, дѣло уладилось, и въ апрѣлѣ 1838 года Шевченко сталъ свободнымъ человѣкомъ. Велика была радость его и друзей. Въ тотъ же годъ онъ поступилъ въ академію художествъ: и онъ, и его друзья были увѣрены, что живопись — его призваніе.

Однако, скоро оказалось, что не живописью, а своими стихами и пѣснями прославился Шевченко. Онъ уже и раньше писалъ стихи, а теперь начинаетъ отдавать этому дѣлу все больше и больше времени. Въ стихахъ своихъ онъ описываетъ природу родной Украйны, свою любимую степь съ могильными курганами; описываетъ онъ простую, безхитростную жизнь крестьянина, его печали и радости, его тяжелую крѣпостную долю. Вспоминаются ему и рассказы дѣда о прошломъ Украйны, объ ея битвахъ и сѣчахъ, о казацкихъ славныхъ дѣлахъ... Такъ и тянетъ его писать стихи, выливать на бумагу свои думы. „Начну обдумывать картину, — рассказываетъ онъ про себя, — вдругъ,

кто его знаетъ откуда, несется, несется пѣсня, складываются стихи, глядишь ужъ и забыть, про что думаль, и скорѣе возьмешь, да и напишешь, что навѣялось“. Въ 1840 году Шевченко издалъ цѣлый сборничекъ своихъ стихотвореній и назвалъ книжку „Кобзарь“. Стихи были написаны на малорусскомъ языкѣ; они многимъ понравились; а на Украинѣ имя Шевченко сдѣлалось дорогимъ именемъ, его пѣсни заучивались наизусть, надъ ними плакали малороссы. И Шевченко съ гордостью называлъ себя „мужицкимъ поэтомъ“; онъ описалъ свой народъ, онъ самъ зналъ горе народное; его стихи, какъ въ зеркалѣ, отразили народную жизнь.

Окончивъ академію художествъ, Шевченко поѣхалъ на родину: это давно было его мечтой. Не по себѣ было ему, природному хохлу, въ сыромъ, холодномъ Петербургѣ; каменные зданія давили его, вѣчный шумъ города оглушалъ, его тянуло на просторъ, въ степи, въ родную Украину; хотѣлось ему повидать и родныхъ, которые все еще оставались крѣпостными и которымъ поэтъ не разъ помогалъ изъ своего небольшого заработка. На родинѣ Шевченко пробылъ четыре года, переѣзжая съ мѣста на мѣсто: побывалъ у своихъ родныхъ, поѣздилъ по Малороссіи, изучая ее: тутъ онъ записывалъ новую пѣсню, тамъ срисовывалъ какое-нибудь старое зданіе или полюбившееся мѣстечко; въ другомъ мѣстѣ слушалъ старинную быль, которую рассказывалъ ему слѣпой кобзарь. Всегда Шевченко старался сближаться съ народомъ и умѣлъ говорить съ нимъ душевно и просто. Также любилъ онъ дѣтей, собиралъ ихъ вокругъ себя, забавлялъ ихъ сказками и пѣснями, мастерилъ для нихъ пищалки, дудочки. Добрая и нѣжная душа была у поэта; не могъ онъ видѣть никакого страданія, даже за животныхъ вступался, если ихъ мучали: не мало собачонокъ, котятъ, птичекъ спасъ онъ отъ рукъ ребятишекъ. Денегъ Шевченко никогда не копилъ и не берегъ, а раздавалъ всѣмъ, кто ни попроситъ. За обиженного всегда вступался: разъ онъ совсѣмъ раззнакомился съ помѣщикомъ, который дурно обращался съ своимъ крѣпостнымъ слугой. Въ бѣдѣ не покидалъ

человѣка, не то что пріятеля, а и перваго встрѣчнаго: разъ онъ на пожарѣ бросился въ огонь спасать имущество бѣднаго еврея. „Въ нуждѣ и бѣдѣ,—говаривалъ онъ,—всякій человѣкъ дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ“.

Тарасу Григорьевичу было уже за 30 лѣтъ, когда его за смѣлыя рѣчи, за нападки на пановъ сослали въ Оренбургскій край солдатомъ. Десять лѣтъ провелъ онъ вдали отъ родины и друзей, въ тяжелой солдатской службѣ. При вступленіи на престолъ Александра II Шевченко былъ прощенъ и вернулся на родину. Первымъ дѣломъ его по возвращеніи были хлопоты о выкупѣ изъ неволи родныхъ; это ему удалось. Въ Петербургѣ Шевченко приняли съ искреннимъ сочувствіемъ. Въ это время уже готовилось освобожденіе крестьянъ; всѣ горячо привѣтствовали поэта, который въ своихъ пѣсняхъ такъ задушевно и правдиво описывалъ тяжелую долю крѣпостного народа. Радостно прислушивался Шевченко къ толкамъ объ освобожденіи крестьянъ: онъ всей душой любилъ народъ и его горе считалъ своимъ горемъ. Онъ много думалъ о безграмотности народа, горько сожалѣлъ о его темнотѣ и невѣжествѣ; онъ самъ составилъ малорусскую азбуку и работалъ надъ другими народными книжками.

Но здоровье и силы поэта были уже надорваны: тяжелая солдатская служба отозвалась на немъ; еще молодой по лѣтамъ, онъ сильно опустился, постарѣлъ. Думалъ онъ отдохнуть отъ своей скитальческой жизни, хотѣлъ завести свое маленькое хозяйство, мечталъ жениться на простой дѣвушкѣ; уже въ Украинѣ на берегу Днѣпра было присмотрѣно мѣстечко для хутора — высокая гора, откуда далеко былъ виденъ Днѣпръ, который такъ любилъ поэтъ. Но судьба судила иначе. Здоровье его стало ухудшаться. Онъ жилъ въ это время въ Петербургѣ. „Вотъ если бы домой, тамъ я, можетъ-быть, и поправился бы“, говорилъ онъ, съ тоскою, вспоминая родину. 26 февраля 1861 года Шевченко скончался на 48 году своей жизни. По его желанію, тѣло его было перевезено въ Малороссію и погребено на той самой

горѣ надъ Днѣпромъ, гдѣ онъ думалъ построить себѣ хуторъ. И мертвому хотѣлось ему лежать на родинѣ, которую онъ такъ горячо любилъ. Въ стихотвореніи своемъ „Заповитъ“ поэтъ просить:

„Якъ умру, то похавайте
Мене на могили,
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручы
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучій“...

С ъ р а б о т ы.

Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте, дѣтки!
Выпить бы. Эки стоятъ холода!

„Инъ ты забылъ, что намедни послѣдки
Выпилъ съ десятникомъ?“

— Ну, не бѣда!

И безъ вина отогрѣюсь я, грѣшный.

Ты обряди-ка Савраску, жена:

Поголодалъ онъ весною, сердечный,

Какъ подобались сѣна.

Экъ я умаялся!.. Что, обрядила?

Дай-ка горяченькихъ щець.

„Печи я нынче, родной, не топила,

Не было, знаешь, дровецъ!“

— Ну, и безъ щей посяѣдаю я, грѣшный.

Ты овсеца бы Савраскъ дала,—

Въ лѣто одинъ онъ управилъ, сердечный,

Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче намъ съ бревнами было,

Портится путь... Инъ и хлѣбушка нѣтъ?..

„Вышелъ, родной... У сосѣдей просила,

Завтра сулили чѣмъ свѣтъ!“

— Ну, и безъ хлѣба улягусь я, грѣшный.

Кинь подъ Савраску соломки, жена!
Въ зиму-то вывезъ онъ, вывезъ, сердечный,
Триста четыре бревна...

Некрасовъ.

Л ѣ с ъ.

Жара заставила насъ войти въ рощу. Я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ красиво раскинулъ свои легкія вѣтки, легъ на спину и началъ любоваться мирной игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ и глядѣть вверхъ! Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но, словно корни огромныхъ растений, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стекляно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами, то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень. Гдѣ-нибудь, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая, своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеса, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя, круглыя облака, и вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, облитые солнцемъ, — все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимается свѣжее, трепещущее лепетанье, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби. Вы не двигаетесь, вы глядите: и нельзя выразить словами, какъ радостно, и тихо, и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную, какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей, проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія, и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ

самихъ за собой въ ту спокойную, сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины...

Тургеневъ.

Лѣсной царь.

(Изъ *Гѣте*).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Бѣдокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой!—
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой“.—

„Дитя, оглянися! младенецъ, ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои“.

— Родимый, лѣсной царь со мной говорить:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.—
„О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы“.—

„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять“.

— Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.—
„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ“.—

„Дитя, я плѣнился твоей красотой.
Неволей иль волей, а будешь ты мой!“

—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать!
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать!—

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ — летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ.
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковский.

А л е й.

Въ нашей казармѣ было трое дагестанскихъ татаръ, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особѣе удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ было у него пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шапку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются. Тѣ же, не сочли за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Вся милость, которую

сдѣлать судъ для Алея, быть уменьшенный срокъ наказанія: онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутовскомъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ-была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его вполнѣдствіи. Онъ былъ фѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильственный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ; вообще, не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще, скажу заранѣе: я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть на-

туры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденные Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?..

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную.

— Что Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да, — отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше!

Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была. А что тебѣ?

— Должно-быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ, изъ почтенія, которое онъ, неизвѣстно почему, ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братъ не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было приятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мною гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ, чѣмъ могъ, въ казармахъ, и видно было, что ему очень приятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ: онъ выучился порядочно шить бѣлье, точалъ сапоги и впоследствии выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братъ хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, — сказалъ я ему однажды: — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучишься?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! — и онъ даже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, книга, не за-
прещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой
книгѣ Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно
читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно пони-
малъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увле-
ченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную пропо-
вѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ
проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ про-
челъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его
лицо.

— Ахъ, да! — отвѣчалъ онъ. — Да, Иса — святой
пророкъ, Иса Божій слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что жъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говорить: прощай, люби, не обижай,
и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушива-
лись къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ
говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между
собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ,
съ важно-благосклонною, т. е. чисто-мусульманскою улыб-
кою, обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ
Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что
Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее — и она
полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано.
Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ
великое удовольствіе, восхваляя Ису, и Алей былъ вполнѣ
счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать
мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно.
Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее
на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь
два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже по-
разило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не
имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить
меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣ-

стѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ-быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ,—говорилъ онъ,— что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь, мой добрый, милый, милый Алей!..

Достоевскій.

Къ моей матери.

(Изъ Гейне).

Въ больномъ бреду разстался я съ тобою:
Хотѣлось мнѣ всю землю обойти,
Хотѣлось мнѣ на ней любовь найти
И той любви отдаться всей душою.

За нею я вездѣ-вездѣ ходилъ,
У всѣхъ дверей стучался я въ печали,
И крохъ любви, какъ нищій, я просилъ,
Но ненависть, смѣясь, мнѣ подавали.

И все я шель, ища любви одной,
Ища вездѣ, нигдѣ не обрѣтая,
И, наконецъ, домой къ тебѣ, родная,
Вернулся я, печальный и больной.

И вышла ты навстрѣчу мнѣ, и ясно
Въ твоихъ глазахъ увидѣлъ, мать моя,
Всю ту любовь, которой жаждать я
И все искалъ такъ долго и напрасно!

Вейнбергъ.

Елизавета Блекуэль — первая женщина-врачъ.

Елизавета Блекуэль родилась въ 1821 году въ Англіи, въ Бристолѣ. Семья была большая, дружная, и дѣтство Елизаветы прошло мирно и весело. Въ 1832 г. родители ея должны были переѣхать въ Америку. Тамъ дѣти учились въ школахъ, а дома развивались подъ благотворнымъ вліяніемъ взрослыхъ членовъ семьи. Дѣти уже подросли, когда отецъ умеръ, семья осталась безъ средствъ, и всѣмъ пришлось зарабатывать себѣ хлѣбъ. Елизавета и ея сестры открыли школу, братъ взялъ мѣсто, и всѣ дѣятельно принялись за работу. Около года Елизавета пробывъ начальницей училища въ сосѣднемъ городѣ, но когда средства семьи поправились, она вернулась домой. Однако, мирная жизнь дома не удовлетворяла ее; чтеніе, музыка, занятіе языками—все это было интересно, но не казалось ей серьезнымъ, настоящимъ дѣломъ. Она мечтала о такомъ дѣлѣ, которое приносило бы пользу людямъ. Случайно ей пришла въ голову мысль заняться медициной.

Въ то время (т. е. лѣтъ 50 тому назадъ) женщинъ-врачей еще не было; считалось даже совершенно невозможнымъ для женщинъ заниматься этимъ дѣломъ. Елизаветѣ казалось страннымъ это общее убѣжденіе, что женщина не можетъ быть врачомъ. „Почему же, — думала она, — женщина не можетъ заниматься дѣломъ, которое по силамъ каждому мужчинѣ?“ И Елизавета рѣшила сдѣлаться врачомъ. Она подѣлилась своею мыслью со знакомыми и друзьями, но ни у кого не нашла поддержки. Многіе пробовали отговаривать Елизавету отъ ея плана; иные говорили, что занятія медициной не по силамъ женщинѣ; другіе спрашивали, гдѣ же она будетъ учиться, потому что въ мужскія медицинскія школы ее, конечно, не примутъ; находились и такіе, которые говорили, что женщинѣ неприлично быть врачомъ, что это не женское дѣло. Но Елизавета не испугалась всѣхъ этихъ толковъ. Она твердо рѣшила добиться своего. Прежде всего надо было достать денегъ.

И вотъ, Елизавета поступила учительницей музыки, чтобы скопить себѣ нужную сумму. Между уроками, въ немногіе свободные часы, она готовилась къ своимъ будущимъ занятіямъ, изучала латинскій и греческій языки, читала медицинскія книги. Черезъ два года, скопивши нужную сумму, она отправилась въ Филадельфію, гдѣ было 4 медицинскіхъ школы. Но напрасно добивалась она доступа въ какую-либо изъ этихъ школъ, напрасно обращалась съ просьбами ко всѣмъ профессорамъ. Иные только смѣялись надъ странной дѣвушкой, вздумавшей сдѣлаться врачомъ, другіе прямо объявляли, что она проситъ невозможнаго, третьи даже принимали ее за сумасшедшую.

Елизавета не упала духомъ отъ этой неудачи. Она послала прошенія во всѣ школы Нью-Йорка; отказъ получился и оттуда. Тогда она достала списокъ всѣхъ медицинскіхъ школъ Сѣверныхъ Штатовъ и послала прошенія въ 12 изъ этихъ школъ. Отказы приходили одинъ за другимъ. Елизавета начинала уже терять всякую надежду, какъ, наконецъ, получилось письмо изъ маленькаго городка Женевы (въ Нью-Йоркскомъ штатѣ). Въ письмѣ было согласіе принять дѣвушку въ число студентовъ медицинской школы; студенты, которымъ было предложено самимъ рѣшить, допустить ли ее въ школу, согласились на это. Съ волненіемъ и радостью поѣхала Елизавета въ Женеву. Пріѣздъ ея въ городъ ожидался съ нетерпѣніемъ. Всѣмъ любопытно было взглянуть на удивительную дѣвушку, которая первая проникла въ медицинскую школу. Разговоры объ этой дѣвушкѣ было множество: кто увѣрялъ, что она помѣшанная, кто выдумывалъ еще худшее, многіе просто поднимали ее на смѣхъ. Цѣлая толпа собралась смотрѣть, когда она въ первый разъ пошла въ университетъ; мальчишки бѣжали за ней, на нее указывали пальцами. Тяжело было положеніе молодой дѣвушки, одной въ чужомъ городѣ, среди людей, которые сторонились и не понимали ея. Студенты—товарищи, впрочемъ, приняли ее хорошо; имъ тоже казалось страннымъ появленіе среди нихъ этой скромной дѣвушки, въ простомъ темномъ платьѣ, но они не по-

звалили себѣ ни насмѣшекъ, ни шутокъ. Этотъ пріемъ ободрилъ Елизавету, и она съ жаромъ принялась за работу. Скоро ея простота и серьезность заслужили ей общее уваженіе. Студенты оцѣнили въ ней хорошаго товарища, а профессора не могли не отдать справедливости ея способностямъ и усердію; Елизавета была изъ лучшихъ по занятіямъ.

Но вотъ курсъ оконченъ. На торжество раздачи дипломовъ собралось огромное общество: профессора, студенты, городскіе жители. Въ толпѣ студентовъ скромно стояла тоненькая дѣвушка въ черномъ платьѣ. Вотъ раздалось ея имя. Она подошла къ трибунѣ и при громѣ аплодисментовъ получила свой дипломъ на званіе женщины-врача. Торжество Елизаветы было полное. Къ ней подходили и знакомые, и незнакомые люди, жали ей руку, горячо поздравляли ее, удивлялись ея характеру и настойчивости. Всѣ, кто прежде смѣялся надъ ней, точно раскаявшись, привѣтствовали самымъ искреннимъ образомъ первую женщину-доктора. И такъ, званіе врача было получено, знанія, равныя знаніямъ врача-мужчины, были приобрѣтены; оставалось приложить эти знанія къ жизни. Но это оказалось не такъ легко. Съ Елизаветой были любезны, ей удивлялись, ее поздравляли, но когда она искала себѣ работы—изъ этого ничего не выходило. Въ Парижѣ, куда она поѣхала по окончаніи курса, ее допускали осматривать больницы, но не позволяли работать въ нихъ. Съ большимъ трудомъ она получила позволеніе работать въ лондонской больницѣ, но и тутъ имѣла не мало непріятностей. Вернувшись въ Нью-Йоркъ, Елизавета вздумала заняться частной практикой. Всѣ знали, что она отлично кончила медицинскую школу, что она занималась много и добросовѣстно; однако никто не шелъ лѣчиться къ ней: такъ велико было недоверіе къ женщинамъ. Цѣлыхъ 7 лѣтъ ни одна больная не обратилась къ ней за совѣтомъ. На просьбу о мѣстѣ при больницѣ получался отказъ. Тяжело было на душѣ Елизаветы; глубоко оскорбляло ее такое отношеніе къ ней. Денежныя дѣла ея также были очень плохи, потому что заработка не было. Однако, мужественная дѣвушка и тутъ не упала

духомъ. Ей не удавалось практиковать—она стала писать статьи по медицинѣ и читать лекціи. Статьи и лекціи показывали, какъ основательны были знанія женщины-врача, и довѣріе къ ней выросло. Но Елизавета хотѣла показать свои знанія и на практикѣ: она задумала устроить собственную больницу. Дѣло это было нелегкое; надо было добиться разрѣшенія, собрать деньги. Помощницами Елизаветы явились ея сестра и еще одна дѣвушка— обѣ онѣ тоже получили докторскіе дипломы; послѣ Елизаветы добиться этого было уже легче. Три женщины дѣятельно принялись за работу; онѣ достигли своей цѣли: больница для женщинъ и дѣтей была открыта. Умѣлый уходъ, внимательное отношеніе, отличное лѣченіе привлекали все новыхъ и новыхъ больныхъ, и больница получила большую извѣстность. Елизавета усердно работала и какъ врачъ, и какъ распорядительница; но когда больница прочно стала на ноги, она передала ее своей сестрѣ, а сама уѣхала въ Англію.

Елизаветѣ хотѣлось, какъ можно шире, распространить мысль о женскомъ медицинскомъ образованіи. Въ разныхъ городахъ Англіи она прочла нѣсколько публичныхъ лекцій, въ которыхъ доказывала способность женщинъ къ медицинскому дѣлу. И самый примѣръ Елизаветы, и ея вдохновенный призывъ къ работѣ подѣйствовали на общество: женщины и дѣвушки начали изучать медицину. Стали открываться особыя женскія медицинскія школы; въ одной изъ нихъ Елизавета стала профессоромъ. Начатое ею движеніе разрослось. Теперь за границей женщинъ принимаютъ въ университеты вмѣстѣ со студентами. У насъ, въ Россіи, въ Петербургѣ открыть особый женскій медицинскій институтъ. Получить медицинское образованіе женщинъ теперь уже нетрудно— сотни женщинъ посвящаютъ себя великому дѣлу помощи ближнимъ, несутъ свои знанія въ деревни, села и города. Итти по проложенному пути уже легко; трудно начало, тяжелы первые шаги, терниста непроторенная дорога. По такой непроторенной дорогѣ пришлось итти, безъ поддержки и сочувствія, отважной Елизаветѣ Блекуэль, и имя этой замѣчательной и самоотверженной женщины не должно быть забыто,

* * *

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,—

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говорить:
„Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ!
„Посмотритъ — рублемъ подаритъ!“

Идутъ онѣ той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтеть

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выносить,
Всегда терпѣлива, равна...
Я видывалъ, какъ она косить:
Что взмахъ — то готова кошна!

По буднямъ не любить бездѣлья.
Зато вамъ ея не узнать,
Какъ сгонить улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни, и пляски такой
За деньги не купишь. — „Утѣха!“
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ея конный не словить,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:

Коня насакаку остановить,
Въ горящую избу войдетъ.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудъ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждъ.

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣднѣ
Предъ всею семьей впереди;
Сидитъ, какъ на стулѣ, двухлѣтній
Ребенокъ у ней на груди.

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по-сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

Некрасовъ.

Христось Воскресъ!

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ
теплъ и тихъ, отчего въ небѣ горятъ миллионы звѣздъ,
природа одѣвается радостью, отчего сердце у меня словно
саднить отъ полноты нахлынувшего вдругъ веселія, от-
чего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня
какъ будто уноситъ какою-то невидимою волною?

„Христось воскресъ!“ звучатъ колокола, вдругъ загу-
дѣвшіе во всѣхъ углахъ города; „Христось воскресъ!“
журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; „Христось
воскресъ!“ говорятъ шшилы церквей, внезапно одѣвшіеся
огнями; „Христось воскресъ!“ привѣтливо шепчутъ вѣч-
ные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; „Хри-

стось воскресъ!“ откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждою. Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Палагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасокъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тѣстѣ десятки око-роковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Палагея Ивановна? — спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для „несчастненькихъ“! — отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Палагею Ивановну. Это, именно, почтеннѣйшая женщина! „Несчастненькими“ она называетъ арестантовъ, и, кажется, всю свою жизнь посвятила на то, чтобъ какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія. Она не спрашиваетъ, кто этотъ арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто „прикосновенный“. Въ глазахъ ея всѣ они просто „несчастненькіе“, и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки калачей, пуды говядины или рыбы, и „несчастненькіе“ благословляютъ имя Палагеи Ивановны, зовутъ ее „матушкой“ и „кормилицей“... И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семь свѣтъ заслужилъ царствіе небесное, то, конечно, Палагея Ивановна больше всѣхъ.

Еще вчера съ вечера я чувствовалъ, что въ городѣ дѣлалось что-то необычайное. Въ половинѣ двѣнадцатаго во всѣхъ окнахъ забѣгали огни, и вслѣдъ затѣмъ потянулся по всѣмъ улицамъ народъ, застучали экипажи.

И я тоже съ какимъ-то особеннымъ, давно непривычнымъ мнѣ чувствомъ радости выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія.

„Христось воскресъ!“ думалъ я. Онъ воскресъ для всѣхъ; большіе и малые, іудеи и эллины, пришедшіе рано и пришедшіе поздно, мудрые и юродивые, богатые и нищіе—всѣ мы равны предъ Его воскресеніемъ, предъ всѣми нами стоитъ трапеза, которую приготовила побѣда надъ смертью.

Недаромъ существуетъ въ народѣ повѣрье, что душа грѣшника, умершаго въ свѣтлый праздникъ, очищается отъ грѣховъ и уносится въ райскія обители.

Можетъ ли быть допущена идея о смерти въ тотъ день, когда все говорить о жизни, все призываетъ къ ней? Я люблю эти народныя повѣрья, потому что въ нихъ, кромѣ поэтическаго чувства, всегда разлито много свѣтлой, успокоивающей любви. Не знаю почему, но когда я взгляну на толпу трудящихся, снискивающихъ въ потѣ лица хлѣбъ свой, мнѣ всегда приходитъ на мысль: „какъ бы славно было умереть въ этотъ великій день!“

Онъ воскресъ и для васъ, бѣдные заключенники, незнанные странники моря житейскаго! Христось, сходявшій въ адъ, сошелъ и въ ваши сердца и очистилъ ихъ въ горнилѣ любви Своей. Всѣ мы братья, всѣ мы невинны и чисты предъ гласомъ любви, все прощающей, все искупающей... Обнимемъ же другъ друга и всѣмъ существомъ своимъ возгласимъ: „Други! братья! воскресъ Христось!“

Онъ воскресъ и для тебя, бѣдный труженикъ! Добрый начальник велѣлъ выдать всѣмъ чиновникамъ пособіе на праздникъ — и вотъ является у тебя на столѣ румяный куличъ, и рядомъ съ нимъ красуется добрая четверть телятины. Невеликъ твой уголъ, не веселитъ ничьего взора твое убожество, но въ этотъ день и твоя бѣдная комната вымыта и прибрана по праздничному, дѣти одѣты въ чистенькихъ ситцевыхъ рубашонкахъ, а жена гордо расхаживаетъ въ до невозможности накрахмаленной юбкѣ. Дѣти твои безпрестанно подходятъ и къ румяному куличу, и къ заманчивой телятинѣ: они ждутъ не дождутся, когда всѣ эти великолѣпныя вещи сдѣлаются ихъ достояніемъ. Но ты ласково сдерживаешь

ихъ нетерпѣніе; ты знаешь, что въ этотъ день придуть къ тебѣ разговляться такіе же труженики, какъ и ты самъ, не получившіе, быть-можетъ, на свою долю ничего; сердце твое въ этотъ день для всѣхъ растворяется; ты любишь, и тоскуешь только о томъ, что не можешь всѣхъ насытить, всѣхъ напитать во имя Христа Искупителя.

Онъ воскресъ и для тебя, сѣрый армякъ! Онъ сугубо воскресъ для тебя, потому что ты цѣлый годъ, обливая потомъ кормилицу-землю, славилъ имя Его, потому что ты цѣлый годъ трудился, ждалъ и все думалъ: „вотъ придетъ Свѣтлое Воскресенье, и я отдохну подъ святою сѣнью его!“ И ты отдохнешь, потому что въ полѣ бѣгутъ еще веселые ручьи, потому что земля-матушка только что первый паръ дала, и ничто еще не вызываетъ въ поле ни твоей сохи, ни твоего упорного труда!

Для всѣхъ воскресъ Христосъ! Всѣ мы, большіе и малые, богатые и убогіе, іудеи и эллины, всѣ мы встанемъ и отъ полноты душевной обнимемъ другъ друга!

Салтыковъ (Щедринъ).

Т р и п а л ь м ы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагъ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?“

Безъ пользы въ пустынь росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ!..
Неправъ твой, о небо, святой приговоръ!..“

И только замолкли, въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутится песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые выюки,
И шель, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали,
И, станъ худощавый къ лукъ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы становился порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шума, караванъ,
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поить ихъ студенымъ ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.

И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепель сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ.
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ просить:
Его лишь песокъ раскаленный заносить,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаеъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

П Л Ю Ш К И Н Ъ.

Лицо Плюшкина не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараніями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы встрѣтить его гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, можно было бы дать ему мѣдный грошъ. Но это былъ не нищій, это былъ помѣщикъ. У этого помѣщика было тысяча

слишкомъ душъ, и попробоваль бы кто найти у кого другого столько хлѣба зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякими овощами, или губиной. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядываль подъ мостики, подъ перекладыны, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складываль въ кучу, въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту! — говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь заѣзжавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскиваль и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличаль его тутъ же, онъ не спорилъ и отдаваль похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымаль съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клаль на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и соѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярныя станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отра-

жались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосољствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли или не радъ былъ этому гостю. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положитьсь, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка и обвѣчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревянной церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Сыну пришла пора на службу. Наконецъ, послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно было заклеено бумагою; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственные произведенія; покупщики торговались-торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили, клади и стоги обращались въ чистый

навозъ, хотъ разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться; они обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладывая и все становилось гниль и прорѣха.

И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ былъ Плюшкинъ!

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизить человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ саться съ человѣкомъ.

Гоголь.

В О Л К Ъ И К О Т Ъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ гости, но животь спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,

Да то лишь горе,

Что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ

Кота,

И молить: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?

Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!

Все это вѣдь за мной“. — Проси скорѣй Степана; Мужикъ предобрый онъ, — котъ-Васька говоритъ.

„То такъ; да у него я ободралъ барана“.

— Ну, попытайся жъ у Демьяна.

„Боюсь, что на меня и онъ сердить“:

Я у него унесъ козленка“.

— Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ“:

Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!“

— Ну, плохо жъ! Но, авось, тебя укроетъ Климъ!

„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“

— Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ! —

Сказалъ тутъ Васька волку:

Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?

Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.

И правы — самъ себя вини:

Что ты посѣялъ, то и жни.

Крыловъ.

Художникъ Василій Перовъ.

Передъ нами картина: Сѣрый зимній день. Сугробъ снѣга, лѣсъ, опушенный инеемъ, замеченная дорога... Плетется деревенская лошаденка съ санями. Спереди, согнувшись отъ горя, сидитъ баба, возлѣ гроба примостились дѣти. Тяжело ступаетъ лошаденка по глубокому снѣгу; задумалась женщина, опустила голову и роняетъ слезы; притихли дѣти.

Кругомъ разстилается снѣжное поле, а тамъ, гдѣ-нибудь дальше, затерялось между снѣговъ и бѣдное деревенское кладбище. Опустили въ мерзлую землю дощатый гробъ, засыпать могилку, и успокоится на вѣкъ труженикъ-крестьянинъ. Честно поработалъ онъ на своемъ вѣку, да вотъ и сложилъ на груди трудовыя, мозолистыя руки. Осталась послѣ него вдова съ сиротами. Какъ-то справится, бѣдная? Какъ-то сладить съ хозяй-

ствомъ, какъ дѣтей вырастить? Ишь, задумалась, сердечная! Не сладка вдовья доля...

Хороша картина! Сколько мыслей, сколько чувствъ будить она въ душѣ: вы жалѣете бѣдную вдову съ сиротами; за сердце хватаетъ васъ ея горе; вы задумываетесь надъ жизнью крестьянскаго люда, надъ этой жизнью тяжелаго труда, горькой нужды и рѣдкихъ радостей. И чувствуете вы въ душѣ своей и жалость, и

любовь къ этому народу, къ этой русской деревнѣ, и болить у васъ за нее душа, и хочется вамъ поработать для нея, помочь ей... Всѣ эти мысли и чувства вызвала картина. Картину эту написалъ русскій художникъ Василій Перовъ.

Съ самаго дѣтства у Перова была страсть къ рисованію: цѣлые дни возился онъ съ карандашомъ и бумагой, и не было въ домѣ стѣны, двери, подоконника, гдѣ маленькій художникъ не попробовалъ бы что-нибудь

парисовать. Домашніе поняли, что у мальчика талантъ къ живописи, и отдали его въ рисовальную школу. Перовъ удивляетъ здѣсь учителей своими способностями; онъ занимается съ большою охотой. Но онъ не все время проводилъ въ школѣ: онъ любилъ бродить по полямъ и лѣсамъ, любилъ ходить по деревнямъ; онъ бесѣдовалъ съ крестьянами, спрашивалъ ихъ, присматривался къ ихъ жизни; между крестьянами у него было много друзей; они любили ласковаго барчонка. Минуло Перову 17 лѣтъ, и его отдали въ художественную школу въ Москвѣ. Работы здѣсь было много, рисовать приходилось цѣлые дни. Нелегко жилось молодому человѣку: средствъ не было, изъ дому денегъ не могли присылать, потому что семья отца была большая, а доходы малые. Часто приходилось жить впроголодь. Перовъ въ это время уже хорошо рисовалъ и могъ бы получить мѣсто учителя рисованія. Возьми онъ это мѣсто — и конецъ голодовкѣ: онъ получалъ бы жалованье, былъ бы у него вѣрный заработокъ. Но тогда конецъ и ученю. А Перову хочется учиться еще и еще, ему хочется стать настоящимъ художникомъ. Какихъ только картинъ не напишетъ онъ тогда! Сколько мыслей и чувствъ разбудить онъ ими: вѣдь картина — та же повѣсть, умѣй только вложить въ нее душу. И Перовъ не взялъ мѣста учителя. „Какъ-нибудь поучусь, — думалъ онъ, — авось, не умру съ голода“. Съ голода онъ не умеръ, но голодать ему приходилось нерѣдко; не разъ случалось въ холодное время сидѣть дома, потому что не въ чемъ было выйти на улицу. Зато онъ совершенствовался въ своемъ любимомъ искусствѣ. Добрые люди помогли ему пережить тяжелое время. Вотъ, онъ прошелъ полный курсъ ученія и сдѣлался художникомъ. Теперь вся жизнь его была посвящена живописи. Въ головѣ его роились планы такихъ картинъ, которыя заставили бы зрителя задуматься: вѣдь картина — не забава, не развлеченіе. И Перовъ работаетъ больше прежняго. Раньше чѣмъ написать картину, онъ ее обдумываетъ; чтобы картина была вѣрна жизни, онъ долго изучаетъ нравы людей, присматривается къ нимъ, изучаетъ природу родного края. Если онъ хо-

четь изобразить что-нибудь изъ прошлаго, онъ читаетъ книги, разсматриваетъ прежнія одежду, утварь. Такимъ образомъ, каждая картина стоитъ художнику немало труда.

Перовъ написалъ очень много картинъ: въ однихъ онъ изображалъ прошлое русскаго народа, сцены изъ русской исторіи; въ другихъ онъ съ любовью рисовалъ родную природу и незатѣйливыя сцены изъ жизни простыхъ людей, какаго-нибудь крестьянина-птицелова, который въ лѣсу приманиваетъ на свистокъ птичку, или рыболова-любителя съ удочкой. Иногда въ своихъ картинахъ Перовъ изображалъ темныя стороны русской жизни; онъ какъ бы указывалъ на нихъ людямъ, точно призывая ихъ оглянуться на то, что дѣлается вокругъ дурного, несправедливаго. Немало у него картинъ и изъ жизни русскаго крестьянства; эту жизнь онъ хорошо зналъ съ дѣтства. Людское горе, тяжелая участь всѣхъ обойденныхъ судьбой, страдающихъ и униженныхъ всегда находили откликъ въ душѣ художника; его картины, изображающія это горе, дышатъ глубокою любовью къ людямъ. Художникъ прожилъ свою жизнь недаромъ: онъ оставилъ намъ правдивое изображеніе жизни, онъ оставилъ намъ цѣлую книгу повѣстей, только повѣсти эти писаны не перомъ, а кистью. Каждая его картина, точно страничка книги, рисуешь намъ какой-нибудь уголокъ жизни и, какъ хорошая книга, вызываетъ добрыя чувства и мысли*).

Смерть крестьянина.

... Саврасушка, трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

---

*) Въ Москвѣ, въ галлерей Третьякова (Канзавъ, Лаврушинскій переулокъ), есть довольно полное собраніе картинъ Перова; въ галлерей входъ безплатный.

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отецъ въпереди.

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И, правя савраской, у гроба
Съ вожжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея впали,
И былъ не бѣлѣй ея щекъ
Надѣтый на ней въ знакъ печали
Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей — сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь незавидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудеть,
Что ждуть ее черные дни.
„Жалѣть ее некому будетъ“,
Согласно рѣшили они...

Какъ водится, въ яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалѣли, почтили
Покойника щедрой хвалой.

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай! какъ изба застудилась!
Торопится печь затопить,

Анъ, глядь, ни полѣна дровишекъ...
Задумалась бѣдная мать:
Покинуть ей жаль ребятишекъ,
Хотѣлось бы ихъ приласкать,

Да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова,
И тотчасъ, на томъ же савраскѣ,
Поѣхала въ лѣсъ, по дрова...

Некрасовъ.

П Ъ В Ц Ы.

Рядчикъ выступилъ впередъ, закрыть до половины глаза и заплѣть высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый; онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлою, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараньемъ, умолкалъ и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалю. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

„Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько:
Я поѣю, молода-молоденька,
Цвѣтика аленька“.

Онъ пѣлъ; всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ, видимо, чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и недаромъ село Сергіевское, на большой орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ; ему недоставало поддержки хора; наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, за-

ставившемъ улыбнуться самого Дикаго-Барина, Обалдуй не выдержалъ и вскрикнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачомъ начали вполголоса подхватывать, подтягивать, подкрикивать: „Лихо... Забирай, вытягивай!.. Вытягивай еще!“ Николай Ивановичъ изъ за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налево. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, застѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій-Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ зашелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ,—общій, слитный крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Ивановича выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: „Молодецъ, молодецъ!“ даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свитѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ:

— А-га! хорошо, чортъ побери, хорошо!—и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ!—кричалъ Обалдуй, не выпуская изнеможенного рядчика изъ своихъ объятій.— Потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю—осьмуха твоя! Ашкѣ до тебя далеко... Уже я тебѣ говорю: далеко... Уже я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ върѣ! (И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди).

— Ну, хорошо, молчать же! — возразилъ Дикій-Баринъ. — Яковъ, начинай!

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись!.. Чего вертишься?.. Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій-Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Все такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное, легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо, оно было блѣдно, какъ у мертваго, глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и заплѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовало этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Ивановича такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще, видимо, дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ — третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. „Не одна во полѣ дороженька пролегала“, пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковымъ, видимо, овладѣвало упоеніе; онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ

его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ. но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ, песчаномъ берегу моря, грозно и тяжело шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому багровому солнцу; я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но, видимо, поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ cadaго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданья внезапно поразили меня... я оглянулся — жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго; Николай Ивановичъ потупился; Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго-Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленіе, если-бъ Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаніемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидаль, что побѣда была его...

— Яша, — проговорилъ Дикій-Баринъ, положилъ ему руку на плечо и смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову.

— Ты... твоя... ты выигралъ, — произнесъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Тургеневъ.

Людвигъ Бетховенъ.

(1770 — 1827).

Людвигъ Бетховенъ былъ сыномъ нѣмецкаго придворнаго музыканта. Невеселое дѣтство выпало на долю ребенка. Отецъ зарабатывалъ мало и едва могъ прокормить жену и прочихъ дѣтей. Нужда, неудачи озлобили его, и онъ сталъ пить. Пьянымъ возвращался онъ домой, затѣвалъ ссоры съ женой, поднималъ шумъ и крикъ. Тихая и ласковая жена напрасно старалась успокоить разбушевавшагося мужа. Дѣти въ испугѣ разбѣгались по угламъ. Темно, холодно, непривѣтливо было въ маленькой квартиркѣ. Но иногда отецъ возвращался трезвый. Тогда онъ садился за старенькое фортепіано, начиналъ играть какой-нибудь церковный гимнъ и подѣлывать своимъ большимъ и сильнымъ голосомъ. Четырехлѣтній Людвигъ выходилъ тогда изъ своего темнаго уголка, гдѣ цѣлыми часами сидѣлъ задумавшись, подсаживался къ отцу и слушалъ, слушалъ. Иногда четырехлѣтній крошка пробовалъ своими маленькими ручонками клавиши старенькаго фортепіано, прислушивался къ звукамъ и старался наиграть ту мелодію, которую пѣлъ отецъ. Однажды ему удалось это: дѣтскія ручонки проворно забѣгали по клавишамъ, и отецъ съ изумленіемъ услышалъ, что ребенокъ совершенно правильно сыгралъ его пѣсу. „Мальчикъ будетъ музыкантомъ, — рѣшилъ онъ, — надо учить его музыкѣ“. И пятилѣтняго Людвига засадили за фортепіано. Но отецъ былъ плохимъ учителемъ. Онъ забывалъ, что его ученикъ еще ребенокъ, что ему надо и порѣзвиться, и побѣгать, и задавать ему такіе большіе уроки, что не было возможности

выучить ихъ. А за невыученный урокъ на ребенка сыпались угрозы, брань и даже побой. Нерѣдко случалось, что, возвратясь ночью изъ трактира пьянымъ, отецъ будилъ сына и заставлялъ его, полусоннаго, дрожащаго отъ страха и холода, играть чуть не до утра. Бѣдная мать напрасно старалась защитить ребенка, напрасно умоляла отца не быть жестокимъ къ мальчику: ученье шло попрежнему, даже на грамоту почти не оставалось времени. И странное дѣло: уроки отцу мальчикъ готовилъ плохо, игралъ при немъ дурно, неохотно; но стоило ему остаться одному, какъ онъ готовъ былъ цѣлый день не отходить отъ фортепiano.

Случилось разъ, что игру ребенка услышалъ одинъ знатокъ музыки. Игра эта поразила его, и онъ убѣдилъ отца отдать мальчика хорошему учителю. Учитель, увидавъ способности маленькаго музыканта, согласился давать ему уроки бесплатно, и Бетховенъ быстро пошелъ впередъ; успѣхи его были изумительны. Въ 12 лѣтъ онъ уже, какъ настоящій музыкантъ, игралъ на органѣ въ церкви и получалъ маленькое жалованье. Жалованье это онъ отдавалъ матери, но въ семьѣ попрежнему была нужда и горе. Отецъ продолжалъ пить, ссорился съ женой, кричалъ на дѣтей, и въ домѣ было невесело. Бетховенъ росъ дикимъ, молчаливымъ ребенкомъ; онъ не любилъ ни игръ, ни веселья и чуждался дѣтей-сверстниковъ. Если онъ не игралъ и не учился, то его навѣрно можно было встрѣтить гдѣ-нибудь за городомъ, въ лѣсу, въ полѣ: онъ прислушивался къ шелесту листьевъ, къ ропоту ручья, къ пѣснѣ жаворонка, къ звону отдаленнаго колокола, — всѣ звуки природы влекли его къ себѣ, вездѣ ему слышалась чудная музыка. Въ одну изъ такихъ прогулокъ 14-лѣтній Бетховенъ зашелъ въ пустую монастырскую церковь. Юноша подошелъ къ органу, коснулся клавишей, и чудные звуки полились изъ-подъ его пальцевъ. Никогда еще такая музыка не раздавалась подъ сумрачными сводами маленькой церкви. Одинъ за другимъ собрались монахи и въ благоговѣйномъ молчаніи слушали музыканта; у многихъ струились слезы умиленія. А молодой Бетховенъ

игралъ, забывъ все окружающее; казалось, вся душа его вылилась въ этихъ звукахъ: тутъ были и слезы его горькаго дѣтства, и его одинокія думы, и тихая молитва, и смѣлая мысль о будущемъ. Юноша кончилъ и долго еще стоялъ, задумавшись, не слыша похвалъ, которыми его осыпали монахи.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Бетховенъ сдѣлался знаменитымъ музыкантомъ. Его музыкальныя сочиненія игрались во всѣхъ странахъ и вездѣ вызывали восторгъ. А когда онъ самъ садился за фортепіано, все вокругъ стихало, всѣ боялись проронить и одинъ звукъ изъ дивной мелодіи. Суровое лицо музыканта одушевлялось, глаза загорались огнемъ, и могучіе звуки лились широкой волной. И что это была за музыка! То это буря въ лѣсу, съ раскатами грома, съ воемъ вѣтра, то это нѣжная пастушеская свирель, то слышатся рыданія, то раздаются колыбельная пѣсня, которою мать убаюкиваетъ больного ребенка; а вотъ откуда-то издалека несется звонъ погребальнаго колокола, и слышится величественное, важное, мѣрное погребальное пѣніе. И слушаютъ очарованные люди, и встаютъ передъ ними картины родной природы, далекаго дѣтства, — и теплыя чувства шевелятся на днѣ души, и мысль невольно несется ко всему прекрасному, свѣтлому, вѣчному. У одной женщины, знакомой Бетховена, умеръ единственный ребенокъ. Мать была безутѣшна; всѣ обычные слова успокоенія только раздражали ее. „Я буду говорить съ вами музыкой,“ сказала ей Бетховенъ, садясь за рояль. Поились звуки, и ихъ языкъ дошелъ до сердца несчастной матери; она ушла успокоенная, умиротворенная.

Бетховену было 28 лѣтъ, когда судьба послала ему тяжкое испытаніе. Онъ, царь звуковъ, онъ, для котораго въ каждомъ шелестѣ листьевъ слышалась музыка, вдругъ сталъ глухнуть. Болѣзнь подкрадывалась понемногу, но шла все къ худшему. Напрасно Бетховенъ лѣчился у лучшихъ докторовъ, — слухъ его ослабѣвалъ все больше и больше. Долго скрывалъ онъ свою болѣзнь отъ самыхъ близкихъ людей, но скоро его глухота стала

очевидной. „Мои уши шумятъ и гудятъ день и ночь, — писалъ онъ другу. — Я могу сказать, что моя жизнь самая жалкая. Уже два года, какъ я избѣгаю всякаго общества; вѣдь нельзя же мнѣ сказать людямъ: я глухъ. Въ театрѣ я долженъ подойти совсѣмъ близко къ сценѣ, чтобы понять актера, болѣе высокіе звуки инструментовъ, голосовъ — я не слышу... Иногда, когда при мнѣ говорить, я слышу только звуки, а словъ не разбираю...“ Однажды въ театрѣ Бетховенъ взялся управлять оркестромъ. Прежде не было равнаго ему въ этомъ искусствѣ, но теперь недугъ сильно мѣнялъ ему. Онъ не слышалъ пѣвцовъ, и музыка расходилась съ пѣніемъ. Онъ не замѣчалъ этого, но въ театрѣ сдѣлалось волненіе и замѣшательство. Пѣвцы остановились. Бетховенъ не могъ понять, что случилось: ни у кого не хватало духу сказать ему правду. Наконецъ, несчастный все понималъ и въ отчаяніи выбѣжалъ изъ театра... Года шли, а слухъ его все слабѣлъ. Всѣ звуки умерли для великаго музыканта, и міръ сталъ для него безмолвнымъ, тихимъ, какъ могила.

Глухота сильно повліяла на характеръ Бетховена. Онъ сталъ нелюдимъ, раздражителенъ, недовѣрчивъ къ людямъ; ему чудилось, что всѣ надъ нимъ смѣются; онъ сталъ избѣгать даже друзей. Печально проходила его одинокая жизнь. Изъ родныхъ у него осталось только два брата, которые выпрашивали у него деньги, обирали его и бросали, когда взять уже было нечего. Плохимъ родственникомъ былъ и его легкомысленный племянникъ, котораго онъ любилъ, какъ сына, и который причинялъ ему одни огорченія. Своей семьи не было у Бетховена; друзья, обиженные его подозрительностью и недовѣріемъ, покинули его; прежніе почитатели также одинъ за другимъ оставили глухого, раздражительнаго музыканта, который уже нигдѣ не показывался и не игралъ больше при людяхъ. Одинокій, покинутый, угрюмый, онъ жилъ тихо въ маленькомъ домикѣ; единственнымъ развлеченіемъ, кромѣ музыки, были для него ежедневныя прогулки: природу онъ любилъ по-прежнему.

Но подъ этою угрюмою внѣшностью, подъ этимъ кажущимся недоверіемъ и сухостью скрывалось доброе и нѣжное сердце. Вотъ какъ писалъ Бетховенъ въ своемъ завѣщаніи: „О люди, вы, которые считаете меня безсердечнымъ, упрямымъ, недобрымъ, — какъ вы несправедливы ко мнѣ! Вы не знаете причины того, что вамъ только кажется. Съ самаго дѣтства мое сердце лежало къ нѣжному чувству любви, но вспомните о моемъ недугѣ. Для меня не существуетъ отдыха среди людей, ни общенія съ ними, ни дружескихъ бесѣдъ. Я долженъ жить, какъ изгнанникъ“. Только одна музыка составляла все счастье печальной жизни глухого музыканта. Міръ былъ нѣмъ для него, и звуки этого міра не доходили до его слуха: онъ не слыхалъ, когда играли другіе, не слыхалъ, когда играть самъ. Но онъ могъ еще сочинять. Въ его душѣ былъ свой міръ музыки, полный чудныхъ звуковъ, доступныхъ ему одному. Онъ перелагалъ эти звуки на ноты, играть ихъ и, не слыша ихъ, по памяти чувствовалъ ихъ красоту.

Бетховенъ написалъ около 200 музыкальныхъ произведеній и въ каждое изъ нихъ вложилъ частичку своей души, частичку того чуднаго дара, которымъ надѣлила его природа. Умеръ онъ глубокимъ старикомъ. Глухой, одинокій музыкантъ давно уже покойся на кладбищѣ, а его музыкальное наслѣдство живетъ и вѣчно будетъ жить среди людей: чудные звуки музыки, имъ сочиненной, попрежнему волнуютъ душу и скрашиваютъ жизнь человѣка.

Вѣлое покрывало.

(Эпизодъ изъ исторіи освобожденія Венгріи).

Позорной казни обреченный,
Лежитъ въ цѣняхъ венгерскій графъ;
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ. Гордый нравъ

Въ немъ возмущался; межъ рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ,
И взять въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него, — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться...
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

Путру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай родная!
Я у тебя дитя одно,
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
О, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать, какъ листъ, придется мнѣ“.

Мать говорила утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая,
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ...
И путру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,

Знай — неизбежна смерть твоя...
Не правда-ль, сынъ мой, шагомъ смѣлымъ
Пойдешь навстрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!“

И графу тихо, мирно спится
И до утра онъ будетъ спать:
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ спится...

Гудить набать, бѣжить народъ...
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настезь... Сколько глазъ
Его слезами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣдній разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ...
Тамъ на балконѣ мать стоитъ,
Спокойно, въ покрывалѣ бѣломъ.

И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ; съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помость съ палачомъ...
И ясенъ къ петлѣ поднимался,
И въ самой петлѣ улыбался!

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?
О, ложь святая!.. Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью.

Послѣдній урокъ.

(Разсказъ маленькаго эльзаса).

Въ это утро я опоздалъ въ школу и очень боялся предстоявшей мнѣ нахлобучки, тѣмъ болѣе, что господинъ Гамель предупредилъ насъ, что будетъ спрашивать о причастіяхъ, а я совсѣмъ не зналъ ихъ. Одну минуту мнѣ пришла въ голову мысль не идти въ школу, а отправиться бродить по полямъ.

День былъ такой теплый, ясный! Слышенъ былъ свистъ дроздовъ на опушкѣ лѣса и звонъ оружія въ сосѣднемъ полѣ, за лѣсопильнями, гдѣ происходило ученіе пруссаковъ. Все это было для меня интереснѣе правилъ о причастіяхъ, но я поборолъ себя и побѣждалъ, не оглядываясь, въ школу.

Въ эту минуту кузнецъ Вахтеръ крикнулъ мнѣ:

— Не бѣги такъ, мальчикъ, сегодня спѣшить нечего.

Я думалъ, что онъ издѣвался надо мною, и помчался еще скорѣе, такъ что прибѣжалъ, запыхавшись, въ маленький дворъ школы господина Гамеля.

Обыкновенно до начала уроковъ въ школѣ стоялъ непрерывный гулъ, доносившійся до улицы. Ящики открывались и захлопывались, дѣти повторяли уроки вслухъ, заткнувъ уши пальцами, а большая желтая линейка учителя стучала по столамъ.

— Тише, господа!

Я рассчитывалъ добраться до своей скамейки незамѣченнымъ. Но въ это утро въ школѣ было такъ же тихо, какъ въ праздничные дни. Въ открытое окно я видѣлъ товарищей, сидѣвшихъ уже на своихъ мѣстахъ, а господинъ Гамель расхаживалъ по классу съ страшной линейкой въ рукахъ. Когда среди этой глубокой тишины мнѣ пришлось отворить дверь и войти въ классъ, я ужасно смутился и покраснѣлъ, какъ ракъ.

Но г. Гамель взглянулъ на меня безъ гнѣва и спокойно сказалъ:

— Садись скорѣй на свое мѣсто, голубчикъ мой Францъ, мы собирались уже начать урокъ безъ тебя.

Я пробрался къ своей скамьѣ и усѣлся на своемъ мѣстѣ. И только тогда, придя въ себя отъ страха, я замѣтилъ, что на учителѣ быть его новый зеленый сюртукъ, жабо и черные шелковые чулки, которые онъ надѣвалъ только въ дни раздачи наградъ. Но болѣе всего поразило меня присутствіе многихъ крестьянъ, старика Гаузера съ треуголкой въ рукѣ, прежняго старшины, прежняго почтальона и еще нѣкоторыхъ лицъ, сидѣвшихъ въ глубинѣ залы, на скамейкахъ, которыя обыкновенно оставались свободными. Они сидѣли такъ же смиренно, какъ и мы, и казались очень печальными. Гаузеръ принесъ съ собою старую азбуку съ потертыми краями, которая лежала у него на колѣняхъ; большіе его очки лежали поперекъ раскрытыхъ страницъ.

Въ то время, какъ я съ удивленіемъ вематривался во всѣ эти подробности, г. Гамель взмохъ на каѳедру и тѣмъ же мягкимъ, серьезнымъ голосомъ, которымъ онъ встрѣтилъ меня, произнесъ:

— Дѣти, это послѣдній мой урокъ. Изъ Берлина полученъ приказъ преподавать одинъ нѣмецкій языкъ въ школахъ Эльзаса и Лотарингіи... Новый нѣмецкій учитель пріѣдетъ завтра. Сегодня вашъ послѣдній французскій урокъ. Прошу васъ быть внимательными.

Эти нѣсколько словъ ужасно взволновали меня. Ахъ, негодяи!

Мой послѣдній французскій урокъ!.. А я вѣдь едва умѣлъ писать! Такъ, значить, я совѣмъ не буду знать своего языка, остановлюсь на этомъ!.. О, какъ сожалѣлъ я теперь о потерянномъ времени, о пропущенныхъ урокахъ, во время которыхъ я лѣтомъ разыскивалъ гвѣзды, а зимой бѣгалъ на конькахъ!.. Книги мои, которыя я считалъ такими скучными, тяжелыми — моя грамматика, моя Библия — казались мнѣ теперь дорогими друзьями, съ которыми мнѣ нелегко будетъ разстаться. Такая же перемѣна произошла во мнѣ и по отношенію къ господину Гамелю. При мысли, что онъ уѣдетъ, что я болѣе не увижу его, я забывалъ о наказаніяхъ, объ ударахъ линейки.

Вѣдныя!.. Въ честь этого послѣдняго урока онъ надѣлъ свое праздничное платье. Теперь я объяснилъ себѣ

также присутствіе этихъ стариковъ въ отдаленномъ углу класса. Они точно хотѣли выразить этимъ свое сожалѣніе о томъ, что такъ рѣдко бывали въ школѣ, поблагодарить стараго учителя за сорокъ лѣтъ честной службы, отдать послѣдній долгъ родинѣ, которая уходила отъ нихъ.

Я предавался этимъ размышленіямъ, когда учитель произнесъ мое имя. Очередь дошла до меня. Чего бы я не далъ въ эту минуту, чтобы имѣть возможность отвѣтить безъ ошибки на вопросы учителя! Но я запутался при первыхъ же словахъ и стоялъ съ тяжелымъ сердцемъ, не смѣя поднять головы.

Г. Гамель заговорилъ:

— Я не буду бранить тебя, милый Францъ, ты безъ того наказанъ теперь... ты видишь, къ чему это привело... Каждый день говоришь себѣ: „О, времени еще много впереди! Успѣю выучить завтра!“ А въ результатѣ то что?

Затѣмъ г. Гамель сталъ говорить намъ о французскомъ языкѣ, какъ о самомъ прекрасномъ, самомъ ясномъ изъ языковъ, о томъ, какъ мы должны заботиться о сохраненіи его и никогда не забывать его.

Затѣмъ онъ взялъ грамматику и объяснилъ намъ сегодняшній урокъ. Я удивился тому, что понималъ теперь все. То, о чемъ онъ говорилъ, усваивалось такъ легко, такъ удивительно легко! Впрочемъ, мнѣ кажется, что я никогда не слушалъ съ такимъ вниманіемъ и что никогда еще онъ не обнаруживалъ столько терпѣнія при объясненіяхъ. Казалось, что бѣдняга хотѣлъ передъ уходомъ передать намъ всѣ свои знанія, сразу перелить ихъ въ наши головы.

Послѣ урока грамматики мы перешли къ чистописанію. На этотъ разъ г. Гамель приготовилъ новыя прописи, на которыхъ красивымъ, круглымъ почеркомъ красовались слова: „Франція, Эльзась, Франція, Эльзась...“ Казалось, что эти маленькія прописи—флаги, развѣвавшіеся надъ нашими ящиками. Нужно было видѣть, какъ привлечно мы писали, какъ тихо было въ классѣ! Не слышно было ничего, кромѣ скрипѣнія пера по бумагѣ.

Во время урока влетѣли къ намъ майскіе жуки... никто не обратилъ на нихъ вниманія, даже самыя маленькіе, которые съ такимъ усердіемъ, съ такимъ жаромъ вывели свои палочки, точно это были французскія слова...

Время отъ времени я поднималъ голову и смотрѣлъ на учителя. Онъ стоялъ неподвижно на своей кафедрѣ и пристально всматривался во все окружающее, точно хотѣлъ унести въ своихъ глазахъ всю свою маленькую школу... Подумайте, вѣдь, онъ прожилъ сорокъ лѣтъ на этомъ мѣстѣ, сорокъ лѣтъ видѣлъ передъ собой этотъ маленькій дворъ и эту классную! Только скамейки и ящики пообтерлись отъ времени и употребленія, да орѣховыя деревья во дворѣ поднялись, да хмель, который онъ самъ посадилъ, обрамлялъ теперь окна, поднимаясь до самой крыши... Какъ тяжело было ему, бѣдному, разставаться со всѣмъ этимъ, слышать, какъ сестра расхаживала въ верхнемъ этажѣ, укладывая все и готовясь къ отъѣзду!.. Да, завтра они должны уѣхать, навсегда покидаютъ родное гнѣздо.

Несмотря на это, однако, у него хватило мужества довести занятія съ нами до конца. Послѣ чистописанія онъ занялся съ нами исторіей, а затѣмъ младшее отдѣленіе затынуло свое *ба, бе, би, бо, бу*... А въ глубинѣ залы старикъ Гаузеръ надѣлъ очки и, держа старую азбуку въ рукахъ, вторилъ имъ, и видно было, что онъ напрягаетъ все свое вниманіе, складывая буквы. Голосъ его дрожалъ отъ волненія и звучалъ такъ странно, что намъ всѣмъ хотѣлось плакать и смѣяться... Ахъ, я никогда не забуду этого послѣдняго урока!..

Вдругъ часы на колокольнѣ пробили 12. Въ ту же минуту пруссаки, возвращавшіеся съ ученія, затрубили подъ окнами. Г. Гамель поднялся смертельно блѣдный. Никогда еще онъ не казался мнѣ такимъ высокимъ...

— Друзья, — произнесъ онъ, — друзья мои, я... я...

Но что-то сдавило ему горло. Онъ не могъ договорить.

Тогда онъ повернулся къ доскѣ, взялъ кусокъ мѣла и, сильно нажимая на него, написалъ огромными буквами: „Да здравствуетъ Франція!“

Онъ продолжалъ стоять у доски, прислонивъ голову къ стѣнѣ, и, не говоря ни слова, сдѣлалъ намъ знакъ рукой, выразившій: „Теперь кончено... Уходите“.

Альфонсъ Додэ.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жиль нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.

Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть, и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“

— Прекрасны, что и говорить!

А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Такъ и пустыннику тому

Соскучилось быть вѣчно одному.

Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,

Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свести.

Въ лѣсу кого набрести,

Кромѣ волковъ или медвѣдей?

И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;

Но, дѣлать нечего, снимаетъ шляпу,

И милому сосѣдушкѣ поклонъ.

Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,

И, слово за слово, знакомятся они,

Потомъ дружатся.

Потомъ не могутъ ужъ разстаться

И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.

О чемъ у нихъ и что бывало разговору

Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,

И какъ бесѣда шла у нихъ,

Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другъ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнитъ,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣ,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говорить, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу“.
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнуль
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,
А муха на щекъ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивый часъ отъ часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводить духу,
Самъ думаетъ: „Молчи-жъ, ужъ я тебя, воструху!“
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хватъ друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

Крыловъ.

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Дѣти — странный народъ, они снятся и мерещатся. Мерещится мнѣ мальчикъ, но еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже менѣе, еще не такой, котораго можно высылать „съ ручкой“*), но такой, однако, котораго черезъ годъ, черезъ два непременно выплюютъ. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дрожалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой, вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась? — Должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужого города и вдругъ захворала. Хозяйку угловъ захватили еще два дня тому въ полицію; жильцы разбрелись — дѣло праздничное, а оставшіеся одинъ халатникъ уже цѣлыя сутки лежалъ мертво-пьяный, не дождавшись и праздника. Въ другомъ углу комнаты стонала отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ, и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая же холодная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои

*) «Съ ручкой», — это техническій терминъ, значить: просить милостыню. Терминъ выдумали сами эти мальчики. Такихъ множество, они вертятся на вашей дорогѣ и завываютъ что-то зауценное.

пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, наваривъ на нарахъ свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху на лѣстницѣ большой собаки, которая была весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вышелъ вдругъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ прѣхалъ, по ночамъ такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Деревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеркнется — никого, все затворяется по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло, и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ, морозъ! Мерзлый паръ валить отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенять о камни подковы, и все такъ толкаются, и, Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ. Мимо прошелъ блюститель порядка и отвернулся, чтобъ не замѣтить мальчика.

Вотъ и опять улица, — охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавать навѣрно: какъ они все кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблокъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцевать. Какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сквозь стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него ужъ болятъ пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали советѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше; и вотъ опять

видить онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги всякіе — миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатые барыни, а кто придетъ, онѣ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, входитъ къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку копейку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А копейка тутъ же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда — самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжить, бѣжить и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его, потому что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ... Господи! Да что жъ это опять такое! Стоять люди толпой и дивятся: въ окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платья и совсѣмъ, совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ и въ тактъ качаютъ головками и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ — только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки, — вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно-смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ наземъ, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать — бѣжать, и вдругъ забѣжалъ, самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, — и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно“.

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху, и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало

такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть, и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ, было, заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть. „Посижу здѣсь и пойду опять посмотрѣть на куколокъ,—подумаль мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живыя!“... И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ запѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю; ахъ, какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ,—прошенталь надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумаль, было, что это все его мама; но нѣтъ, не она; кто же это его позваль, онъ не видить, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ, а онъ протянулъ ему руку и... и вдругъ, — о какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блестить, все сіяетъ, и кругомъ все куколки; но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летить, и видить онъ: смотреть его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама!—кричить ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочется ему разсказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. — Кто вы, мальчики? Кто вы, дѣвочки? — спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это „Христова елка“,—отвѣчаютъ они ему.—У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки...

И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были такіе же, какъ онъ, дѣти, и всѣ то они теперь здѣсь, всѣ они теперь, какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ грѣшныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ же въ сторонкѣ и плачутъ: каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими

ручками и упрасиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика; разыскали и его маму...

Достоевскій.

* * *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! русская, долюшка женская!

Врядъ ли труднѣе сыскать.

Немудрено, что ты вянешь до времени,
Все выносящаго русскаго племени

Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—

Солнце нещадно палить.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,

Жалить, щекочить, жужжить!

Приподнимая косую тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую—

Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки,—

Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,

Пой, терпѣливая мать!..

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсеницею,

Право, сказать мудрено.

Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,

Кануть они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя

Жадно подносить къ краямъ...

Вкусны ли, милая, слезы соленыя

Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?..

Некрасовъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

26 мая 1899 г. исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго русскаго поэта А. С. Пушкина.

А. С. Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ. По отцу предки его принадлежали къ древнему дворянскому роду, а мать его была внучкой извѣстнаго арапа

А. С. Пушкинъ.

Петра Великаго — Ибрагима Ганнибала. Арабское происхожденіе поэта выразилось и въ наружности его (у него былъ смуглый цвѣтъ лица, курчавые волосы, крупныя губы) и въ пылкомъ, легко увлекающемся, впечатлительномъ характерѣ.

Родители Пушкина были помѣщики, любившіе свѣтскую жизнь; ихъ гостепріимный домъ въ Москвѣ посѣ-

щался знаменитыми литераторами того времени—Карамзинымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ и другими; образованные иностранцы, большею частью, французы, находили здѣсь также радушный пріемъ, и въ домѣ Пушкиныхъ французскій языкъ можно было слышать гораздо чаще русскаго.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не представлялъ изъ себя ничего замѣчательнаго и, напротивъ того, отличался тучностью, неподвижностью, неповоротливостью, что нерѣдко приводило въ отчаяніе его родителей. Онъ не пользовался расположеніемъ матери, которая выказывала открытое предпочтеніе его брату и сестрѣ. Неизбалованный въ дѣтствѣ, мальчикъ легко переносилъ лишения и рано привыкъ къ мысли искать опоры въ самомъ себѣ. Единственными друзьями его ранняго дѣтства были его бабушка Марія Алексѣевна Ганнибалъ и воспитая имъ впослѣдствіи няня Арина Родіоновна. Часто убѣгалъ онъ къ бабушкѣ Маріи Алексѣевнѣ, забившись въ ея рабочую корзинку, пристально слѣдилъ за мелькавшими въ ея рукахъ вязальными спицами и чутко слушалъ ея рассказы. Бабушка рассказывала ему о далекомъ прошломъ, о старыхъ дворянскихъ преданіяхъ и нравахъ XVIII вѣка и о своихъ молодыхъ полныхъ приключеніями годахъ. Въ его пылкомъ воображеніи живо рисовались герои бабушкиныхъ разсказовъ: то передъ нимъ мелькалъ образъ прадѣда, который арапчонкомъ былъ присланъ изъ Константинополя Петру Великому, то маленькому правнуку грезился образъ этого прадѣда, Ибрагима Ганнибала, совершающаго походъ въ Испанію въ рядахъ французской арміи. Отдавшись грезамъ, молодой мечтатель совершенно забывалъ про уроки, и учебныя книги и тетради оставались нерѣдко нераскрытыми.

Няня поэта Арина Родіоновна представляла изъ себя типъ старинныхъ, преданныхъ барскихъ слугъ; она поражала знаніемъ народной поэзіи; ей извѣстенъ былъ весь сказочный міръ; поговорки, пословицы не сходили у нея съ языка. Будучи ребенкомъ, Пушкинъ прислушивался къ чуднымъ сказкамъ няни. Няня рассказывала и про Кощея безсмертнаго, и про злую бабу-ягу, вих-

ремъ носящуюся въ таинственной ступѣ съ метлой, и про Бову - королевича съ прекрасной королевной... все въ ея рѣчахъ было такъ просто и естественно, какъ будто бы она сама была свидѣтельницей рассказываемыхъ событий.

На седьмомъ году съ мальчикомъ произошелъ внезапный переворотъ: онъ вдругъ сдѣлался развязнымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ. Няню и бабушку, успѣвшую выучить его грамотѣ, смѣнили учителя и воспитатели, по обычаю того времени, иностранцы. Пушкинъ не отличался прилежаніемъ и, обладая громадною памятью, зналъ только то, что ему легко давалось. Онъ прекрасно усвоилъ французскій языкъ и впослѣдствіи владѣлъ имъ, какъ природнымъ. Съ девяти лѣтъ онъ жадно набросился на чтеніе книгъ, особенно французскихъ, и началъ писать французскіе стихи. Своею рѣзвостью и неукротимой пылкостью характера мальчикъ постоянно раздражалъ родителей, и вотъ они рѣшили помѣстить его въ закрытое заведеніе, гдѣ бы чужіе люди обуздали его строгостью. Въ это время былъ открытъ Царскосельскій лицей, и Пушкинъ былъ принятъ въ число его воспитанниковъ.

12 августа 1811 г. онъ выдержалъ пріемный экзамень и поступилъ въ лицей, торжественное открытіе котораго состоялось 12 октября. Въ лицей воспитанниковъ не обременяли занятіями. У нихъ было много свободного времени, которымъ они располагали, какъ хотѣли; кто проводилъ его въ прогулкахъ по огромному лицейскому саду, кто въ кутежахъ. Пушкина видѣли и съ книгою въ рукахъ, бродившаго по тѣнистымъ аллеямъ лицейскаго сада, и шумно бесѣдующаго въ кругу товарищей съ вспѣннымъ бокаломъ въ рукахъ. Онъ не обнаружилъ большихъ успѣховъ на экзаменахъ, но все-таки лекціи лицейскихъ профессоровъ и живыя бесѣды учителя французской словесности дали ему нѣкоторыя знанія. Лучшимъ же учителемъ Пушкина были книги, которыя онъ бралъ изъ обширной лицейской библіотеки. Исключительно имъ онъ обязанъ былъ своимъ развитіемъ. Товарищи, видя въ Пушкинѣ человека, превосходящаго ихъ по способностямъ сначала относи-

лись къ нему недружелюбно, но будущій поэтъ совершенно забывалъ о своемъ превосходствѣ и вскорѣ, благодаря открытой душѣ и веселому характеру, сдѣлался душою класса и сталъ во главѣ образовавшагося въ лицѣ литературнаго кружка.

Въ лицѣ Пушкинъ увлекался русскими писателями, (его лицейскія стихотворенія носятъ на себѣ слѣды вліянія Карамзина, Жуковского и въ особенности Батюшкова); но вліяли на него и французскіе поэты (Шенье, Барни).

Въ 1815 году на торжественномъ публичномъ испытаніи въ лицѣ присутствовалъ знаменитый поэтъ времени Екатерины — Державинъ. Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминаніе о Царскомъ Селѣ“ и привелъ въ восхищеніе Державина. Слухи о появленіи необыкновеннаго таланта распространились по Петербургу: о Пушкинѣ заговорили и въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, и въ литературныхъ кружкахъ. Вскорѣ сблизился онъ со всѣми первоклассными писателями того времени, Жуковский искренно восторгался произведеніями юноши и любилъ Пушкина, какъ родного. Знаменитый историкъ Карамзинъ читалъ ему свои труды.

Ранніе и быстрые успѣхи побудили Пушкина съ большимъ рвеніемъ приняться за развитіе своего поэтическаго таланта. Отбывая кое-какъ занятія въ классѣ, онъ дни и ночи просиживалъ за чтеніемъ излюбленныхъ авторовъ. Во время пребыванія въ лицѣ онъ написалъ около 120 стихотвореній и началъ писать поэмѣ „Русланъ и Людмила“, но только немногія изъ этихъ стихотвореній рѣшился напечатать.

По выходѣ изъ лица въ 1817 г. Пушкинъ хотѣлъ опредѣлиться въ гвардію, но, не имѣя для этого достаточно средствъ, поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ это время его родители жили въ Петербургѣ; онъ поселился у нихъ и, вмѣстѣ съ ними, переѣхалъ лѣтомъ въ Псковскую губернію, въ свое родовое помѣстье село Михайловское. Здѣсь, подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній, написалъ онъ стихотвореніе „Деревня“, въ которомъ выразилъ, съ могучей уже поэтической силой, желаніе свободы русскому крестьянину:

„Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“

Невозмутимая сельская тишина была не по душѣ живому, дѣятельному поэту: его влекло въ столицу, въ ея

А. С. Пушкинъ.

шумный водоворотъ. Несмотря на дружбу и многочисленныя знакомства съ литераторами, онъ стремился въ высшій свѣтъ, съ свойственной ему пылкостью увлекался развлечениями свѣтской жизни; но и среди развѣ-

янной жизни находилъ онъ время для литературныхъ работъ. Во время пребыванія въ Петербургѣ имъ была закончена начатая еще на школьной скамѣ сказочная поэма „Русланъ и Людмила“, надѣлавшая много шума и въ обществѣ, и въ литературѣ.

Когда она появилась въ печати, Пушкина не было въ Петербургѣ, такъ какъ онъ за нѣкоторые свои сатирическія стихотворенія былъ переведенъ на службу въ Екатеринославъ. Въ первые же дни своего пребыванія въ Екатеринославѣ Пушкинъ, купаясь въ Днѣпрѣ, схватилъ жестокую лихорадку. Больной, въ полномъ одиноществѣ, лежалъ онъ въ тѣсной избѣ, на досчатомъ диванчикѣ. Въ такомъ положеніи застала его ѣхавшая изъ Петербурга на Кавказъ семья генерала Раевского—одного изъ героевъ 12 года. Раевскій принялъ участіе въ судьбѣ больного поэта, и, выхлопотавъ ему отпускъ, взялъ его съ собою на Кавказъ.

Величая, исполненная дикихъ красотъ природа Кавказа сильно повліяла на воображеніе поэта и дала могучій толчокъ его творчеству. Во время этой поѣздки Пушкинымъ была задумана поэма „Кавказскій плѣнникъ“. Съ Кавказа поэтъ, вмѣстѣ съ Раевскими, переѣхалъ на южный берегъ Крыма—въ Гурзуфъ. Этотъ переѣздъ и трехнедѣльное пребываніе въ Гурзуфѣ были лучшими воспоминаніями въ жизни Пушкина. Въ чудную, южную ночь, гуляя по палубѣ парохода, поэтъ создалъ свою прекрасную элегію:

„Погасло дневное свѣтило,
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океанъ“.

Во время пребыванія у Раевскихъ Пушкинъ прилежно занимался изученіемъ англійскаго языка и съ увлеченіемъ читалъ произведенія англійскаго поэта Байрона. Поѣздка въ кievское имѣніе Раевскихъ еще болѣе укрѣпила это вліяніе, такъ какъ поэтъ нашелъ тамъ кружокъ горячихъ поклонниковъ Байрона.

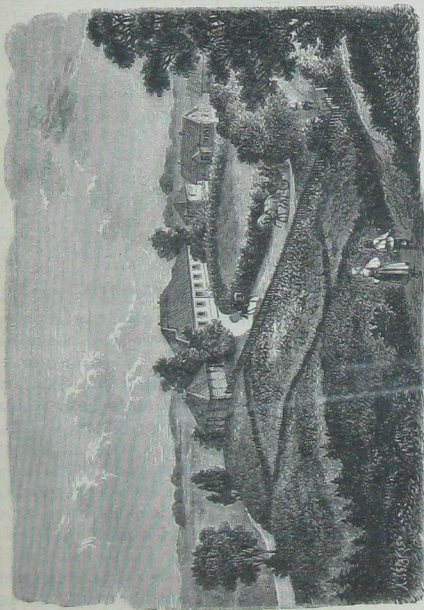
Оттуда Пушкинъ поѣхалъ въ Кишиневъ, куда была переведена канцелярія генерала Инзова (мѣсто служенія поэта). Здѣсь велъ онъ жизнь полную развлеченій, ссоръ, дуэлей. Вездѣ, гдѣ бы только ни собрался многочисленный кружокъ для шумной попойки или картежной игры, появлялся и онъ. Генераль Инзовъ относился къ поэту очень снисходительно, но вскорѣ на его мѣсто генераль-губернаторомъ былъ назначенъ графъ Воронцовъ, и центръ управленія Бессарабіей былъ перенесенъ въ Одессу, куда долженъ былъ переѣхать и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генераль-губернатора. Новый начальникъ оказался очень строгимъ, Пушкинъ не могъ ужиться съ нимъ, такъ какъ графъ Воронцовъ смотрѣлъ на него, какъ на чиновника, совершенно забывая въ немъ поэта. Наконецъ, за одно неосторожное письмо, попавшее въ руки недоброжелателей, онъ былъ исключенъ изъ службы и высланъ въ свое родовое помѣстье, село Михайловское. Во время пребыванія на югѣ Пушкинъ постоянно жилъ двойною жизнью: проводя время въ кутежахъ и развлеченіяхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поражалъ плодотворностью своей поэтической дѣятельности. На югѣ имъ были написаны четыре поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“, „Братья-разбойники“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Цыгане“, первыя главы „Евгенія Онѣгина“ и много мелкихъ стихотвореній. Покидая югъ, поэтъ простился съ южнымъ моремъ, которое горячо любилъ, стихотвореніемъ „Къ морю“; разлуку съ нимъ поэтъ уподобляетъ разлуку съ любимымъ существомъ:

„Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный,
Услышалъ я въ послѣдній разъ“.

Въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ былъ встрѣченъ родителями холодно и недружелюбно. По предложенію предводителя дворянства, отецъ поэта принималъ надзоръ за сыномъ и широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ. При такихъ условіяхъ жизнь поэта въ Михайловскомъ была очень тяжела, и онъ всѣми силами ста-

рался выбраться оттуда. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ссоръ съ сыномъ, отецъ поэта отказался отъ возложеннаго на него надзора и уѣхалъ съ остальнымъ семействомъ въ Петербургъ.

Оставшись въ полномъ одиночествѣ, Пушкинъ много

Село Михайловское.

времени удѣлялъ прогулкамъ. Бродя по окрестнымъ деревнямъ и сосѣдному Святогорскому монастырю, онъ знакомился съ крестьянами, странниками, монахами, прислушивался къ народному говору, записывалъ пѣсни,

поговорки, а въ долгіе зимніе вечера бесѣдоваль со своей няней Ариной Родіоновной, которая теперь, какъ и въ дѣтствѣ, рассказывала ему сказки и пѣсни; выслушивая ихъ, поэтъ знакомился со старой и современной ему Русью и многимъ воспользовался для своихъ сочиненій. Аринѣ Родіоновнѣ Пушкинъ въ послѣдствіи посвятилъ свое стихотвореніе: „Нянь“:

„Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно - давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь“...

Время отъ времени посѣщаль онъ село Тригорское, гдѣ жило семейство Осиповой, питавшее къ нему самую искреннюю привязанность; въ кругу ея членовъ поэтъ забывалъ на время свои невзгоды и успокоивался, но, по возвращеніи въ Михайловское, спокойствіе покидало его, уступая мѣсто порывамъ куда-то вдаль, желанію вырваться изъ заключенія на волю. Въ тихомъ уединеніи Михайловскаго Пушкинъ дѣятельно работалъ, и плодами этой дѣятельности явилось немало чудныхъ произведеній. Въ это время онъ находился подъ вліяніемъ знаменитаго англійскаго писателя-драматурга Шекспира. Въ Михайловскомъ Пушкинымъ была написана драма „Борисъ Годуновъ“, шесть главъ „Евгенія Онѣгина“ и много мелкихъ произведеній. Работа надъ „Борисомъ Годуновымъ“ заставила Пушкина изучить русскую старину; онъ сталъ углубляться въ лѣтописи, изучать ихъ языкъ и интересоваться русскою историческою жизнью.

Друзья поэта приняли горячее участіе въ его освобожденіи. По ихъ совѣту онъ подалъ прошеніе на Вы-

сочайшее имя съ просьбой дозволить ему ѣхать для правленія разстроеннаго здоровья въ одну изъ столицъ или за границу. Черезъ шесть дней послѣ коронаціи Николая I Пушкинъ получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву, гдѣ былъ представленъ императору. Государь обошелся съ нимъ очень милостиво, и поэтъ, довольный дарованной ему свободой, проводилъ время въ кругу знакомыхъ литераторовъ.

Но, несмотря на всеобщее преклоненіе передъ его талантомъ, по возвращеніи изъ Михайловскаго, начинается для Пушкина рядъ непріятностей, сильно повліявшихъ и на расположеніе духа поэта и на его душевное спокойствіе. Онъ часто находится въ раздраженномъ, нервномъ состояніи. Болѣе четырехъ лѣтъ проходятъ у него въ непрерывныхъ скитаніяхъ, точно нигдѣ не можетъ онъ найти себѣ мѣста: то увлекается онъ шумною свѣтскою жизнью, то уѣзжаетъ въ уединеніе въ деревню. Къ этому времени относится его самовольное путешествіе на Кавказъ и переѣздъ изъ Петербурга въ Москву. Въ этотъ періодъ странствованій съ одного мѣста на другое, кромѣ многихъ другихъ произведеній, Пушкинымъ была написана историческая повѣсть „Арапъ Петра Великаго“, представляющая образецъ созданнаго имъ простаго, чистаго и художественнаго повѣствовательнаго слога. Въ непродолжительномъ времени поэтъ написалъ и свою знаменитую поэму „Полтава“.

Въ 1831 году Пушкинъ женился на московской красавицѣ Н. Н. Гончаровой. Женитьбу поэта нельзя назвать счастливою, такъ какъ она не дала ему желаннаго спокойствія и была косвенной причиною его смерти. Близость ко двору, куда Пушкинъ, получившій придворное званіе камеръ-юнкера, долженъ былъ являться съ женой, любившей свѣтскую жизнь, требовала такихъ расходовъ, которые были совершенно ему не по средствамъ. Стремленіе къ обезпеченію матеріальнаго положенія, сопряженное съ хлопотами и непріятностями, выработало изъ Пушкина того раздражительнаго человѣка, какимъ онъ былъ послѣдніе годы жизни. Кромѣ того, въ великосвѣтскомъ обществѣ у поэта было много завистниковъ и не-

доброжелателей. Пущенная по городу сплетня, затронувшая его честь, возмутила его, и онъ сказалъ дерзость голландскому посланнику Геккерну Дантесъ, котораго подозрѣвалъ въ сочиненіи этой сплетни. Сынъ Дантеса

Памятникъ Пушкину въ Москвѣ.

вызвалъ Пушкина на дуэль. Дуэль произошла 27 января 1837 г. въ Петербургѣ. Поэтъ, смертельно раненный, былъ привезенъ домой и 29 января скончался, въ страшныхъ мученіяхъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта, не доживъ до 38 лѣтъ. Вся Россія была поражена этой

потерей. Тѣло его было перевезено въ с. Михайловское и похоронено на кладбищѣ Святогорскаго монастыря. Тамъ возвышается надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью „А. С. Пушкинъ“.

Пушкинъ по силѣ и многосторонности своего таланта считается величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ. Поэтъ - художникъ, онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество, и навсегда останется великимъ учителемъ искусства. До Пушкина никто еще не изображалъ въ такихъ яркихъ краскахъ и образахъ русской народной жизни всѣхъ сословій и русской природы. Онъ познакомилъ насъ со старинными преданіями, со многими явленіями русской исторіи и своими сочиненіями пробудилъ любовь къ Россіи прошлой и современной ему и интересъ къ ея изученію. Вотъ почему Пушкинъ считается народнымъ русскимъ поэтомъ. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ поэзіи — отражать дѣйствительную жизнь; поэтический талантъ Пушкина проникалъ вглубь жизни и души человѣческой. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность возбуждать въ читателѣ добрыя чувства любви къ чело-вѣку и къ природѣ, къ родинѣ и ея просвѣщенію.

Лучшій памятникъ Пушкина — его сочиненія, а имя его, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, будетъ всегда служить гордостью нашей родины.

Самъ поэтъ говорить:

„Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный:

Къ нему не зарастетъ народная тропа;

Вознесся выше онъ главою непокорной

Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ

Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжить —

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ

Живъ будетъ хоть одинъ пѣвецъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой

Тунгузъ, и другъ степей, калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Вновь я посѣтилъ...

..... Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перебѣнилось въ жизни для меня.
И самъ, покорный общему закону.
Перебѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И, кажется, вчера еще бродить
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...

Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсыяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ

Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь молодая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ...

Пушкинъ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца-ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я душой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметь охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сить.

Пушкинъ

А н ч а р ъ.

(Древо яда).

Въ пустынь чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила —
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послать къ Анчару властнымъ взглядомъ —
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листьями —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями:

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ наплатъ
Свои послушныя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Пушкинъ